Сексуальная жизнь сиамских близнецов

Автор:
Ирвин Уэлш

Сексуальная жизнь сиамских близнецов

Ирвин Уэлш

Иностранная литература. Современная классика

Однажды ночью Люси Бреннан, тренер по фитнесу, совершила благородный поступок: рискуя жизнью, остановила опасного психа, который, размахивая пистолетом, преследовал двух беззащитных бродяг. Но ни одно доброе дело не остается безнаказанным, и вот уже СМИ, вознесшие Люси на пьедестал, готовы поменять недавних героев и злодеев ролями. А единственный свидетель происшедшего, страдая от ожирения и клинической депрессии, решает записаться к Люси в фитнес-клуб, чтобы быть поближе к своей героине…

Впервые на русском – первый роман шотландского классика, действие которого происходит не в Шотландии и даже не в Англии, а в США, под жарким солнцем Флориды.

Содержит нецензурную брань

Ирвин Уэлш

Сексуальная жизнь сиамских близнецов

(Снова) посвящаю Элизабет

Irvine Welsh

THE SEX LIVES OF SIAMESE TWINS

Copyright © Irvine Welsh, 2014

First published as The Sex Lives of Siamese Twins by Jonathan Cape

All rights reserved

Перевод с английского Максима Шера под редакцией Дмитрия Симановского

Русское издание подготовлено при участии издательства АЗБУКА

.

Часть первая

Понаехавшие

Я должен сотворить систему, чтоб не стать рабом чужих систем.

Уильям Блейк[1 - У. Блейк. Иерусалим. Эманация гиганта Альбиона. Лист 10. Перев. Д. Смирнова-Садовского.]

1

Лепрозорий

Раз-два-три-четыре, выше руки, ноги шире!

Главный американский загон – это цифры. Все время надо что-то замерять: разваленную экономику – в процентах роста, потребительских расходах, индексах промпроизводства, ВВП, ВНП, Доу – Джонсах; общество – по числу убийств, изнасилований, подростковых беременностей, нищих детей, нелегальных мигрантов, наркоманов – зарегистрированных и тех, кто пока держится; людей – по росту, весу, объему бедер, талии, груди, ИМТ.

Но сейчас у меня в голове цифра, из-за которой больше всего проблем. Это цифра 2.

Поругались с Майлзом (рост 185, вес 95) из-за какой-то ерунды, но достаточно крепко, чтобы я не осталась у него ночевать. А живет этот мудак в вымершем мидтауне. Ныл, сука, весь вечер, как у него спина болит. Лишь бы ничего не делать, как маленький ребенок, блядь. Чем мокрее его глаза, тем суше у меня между ног. Просто, как дважды два. Смотрели «Теорию большого взрыва», и на последних минутах он на меня зашикал – типа тихо! Еще эта маленькая тварь Чико – чихуа-хуа с глазами навыкате: все время тявкал, а Майлз отказался запирать его в другой комнате, мол, сейчас успокоится.

Ну и хуй с тобой.

Когда я решила, что надо валить, он раскис: начались эти все позы, губы надул, как ребенок. Давай, будь мужиком, сука! Есть мужики, которые даже злость не умеют изобразить. Чико и то смелее: вдруг перестал тявкать и запрыгнул мне на колени, хотя я все время спускала его на пол.

Уже почти полчетвертого утра, но я все равно решила поехать обратно на Саут-Бич. Ночь тихая, над городом висит луна, сыпь из звезд мерцает на густом розовато-лиловом небе. Завожу осипший «кадиллак-девилль» девяносто восьмого года – от мамы достался – и сразу замечаю, что погода резко переменилась. А мне и дела нет: из колонок горланит «I Hate Myself For Loving You»[2 - «Сама себя ненавижу за то, что люблю тебя» (англ.).] Джоан Джетт, но, как только я выруливаю на Джулия-Татл-Козвей[3 - Julia Tuttle Causeway – 7-километровая дамба через залив Бискейн и проложенная по ней автострада с двумя мостами, соединяющая Майами-Бич и собственно Майами. Названа в честь основательницы Майами Джулии Татл (1849–1898). – Здесь и далее примеч.

перев.], в машину начинают бить порывы ветра. Притормаживаю, по лобовому стеклу уже хлещет дождь, и мне приходится всматриваться сквозь мельтешащие перед глазами дворники.

Внезапно ливень сменяется моросью, спидометр опять подбирается к восьмидесяти, и вдруг из черной, теперь уже беззвездной тьмы возникают двое; они бегут на меня прямо посередине почти пустой автострады и машут руками. Тот, что ближе ко мне, тяжело дышит, надул щеки, как хомяк, это хорошо видно под яркими фонарями автострады, и вылупился на меня, как псих. Первая мысль – это такой юмор: какие-нибудь студенты перепились или нарки развлекаются. Потом я резко охуеваю: блядь, это же хитрая подстава – и думаю: Люси, не тормози, пусть эти уроды отойдут с дороги, но они не отходят, и я все-таки резко торможу: машину трясет и заносит. Я держусь за руль; ощущение, что какой-то великан пытается вырвать у меня из рук руль, потом тупой удар, какое-то шуршание, и я вижу, как один из парней падает мне на капот. Машина застывает на месте, откинув меня на спинку сиденья, мотор глохнет, и проигрыватель вырубается как раз на припеве. Я смотрю по сторонам, пытаясь понять, что происходит. В соседнем ряду кто-то не успел так быстро среагировать: второй чувак отлетает от капота вверх, делает какое-то безумное сальто и падает на асфальт. Машина рвет вперед в темноту, даже не пытаясь притормозить.

Слава пресвятому сладенькому Младенцу Иисусу, что за нами никого не было.

Угонщикам на такие кульбиты пороху бы не хватило, да эти и напуганы слишком сильно… Каким-то чудесным образом чувак, которого сбила вторая машина, – маленький коренастый латинос – нетвердо встает. Он прям сочится ужасом и даже не смотрит на второго придурка, которого уебала я, а пялится через плечо куда-то в сумрак и пиздюхает дальше. Теперь я вижу в зеркале «своего»: белый доходяга – тоже уже на ногах, светлые жидкие волосы зачесаны назад – быстро ковыляет, словно какой-то покоцанный паук, в кусты на разделительной полосе. Тут латинос разворачивается и, прихрамывая, чешет прямо на меня. Он стучит в стекло и кричит:

– ПОМОГИ!

Я не шевелюсь. Пахнет горелой резиной и тормозными колодками. Что делать-то, блядь? Из темноты возникает третий и быстро идет по шоссе в нашу сторону. Латинос воет от боли – шок, наверное, прошел – и, кажется, оседает на

корточки, прислонившись к заднему боковому стеклу.

Я открываю дверцу и выхожу: ноги дрожат на твердом бетоне, в желудке тянет от пустоты. В этот момент раздается хлопок и что-то со свистом пролетает мимо моего левого уха. С какой-то странной отстраненностью осознаю, что это был выстрел: третий чувак, возникнув из темноты, указывает в сторону машины, сжимая в руке какую-то херь, скорее всего пистолет. Он почти поравнялся со мной. Я вся холодею, потому что у него в руке действительно пушка. Чувствую, как у меня округляются глаза, и инстинктивно молю о пощаде; вот так и приходит конец, думаю я, но чувак проходит мимо, будто я невидимка, хотя проходит он буквально на расстоянии вытянутой руки: я вижу в профиль его маленький остекленевший глаз безумной ищейки и даже чувствую запах несвежего тела. Но он четко идет к своей выпавшей на корты цели.

– НЕТ! ПОЖАЛУЙСТА!.. НЕ НАДО… – молит латинос. Он привалился к машине, закрыл глаза, склонил голову и выставил над собой ладонь.

Стрелок медленно опускает руку и направляет пистолет на жертву. Повинуясь какому-то инстинкту, я подпрыгиваю и бью обеими ногами ему промеж лопаток. Он, худой и потрепанный, валится вперед на человека, в которого только что целился, и падает на асфальт, роняя пистолет. Латинос, совершенно растерянный, пытается дотянуться до пистолета, но я его опережаю и запиныва́ю пистолет под машину. Несостоявшаяся жертва секунду смотрит на меня с открытым ртом, потом встает и, прихрамывая, отходит. Я бросаюсь на стрелка, наваливаюсь на него всем телом, больно обдираю голые колени об нагретый асфальт пустынного шоссе и обеими руками хватаю его за тонкую цыплячью шею. Роста он невысокого (белый, примерно 165 см, 55 кг), но и сопротивляться не пытается, а я ору:

– ТЫ ЧЕ, БЛЯДЬ, ВЫТВОРЯЕШЬ, ПРИДУРОК?

В ответ прерывистые детские всхлипы и между ними жалостливое:

– Ты этого не поймешь, никто не понимает…

На дороге появляется еще одна машина, но быстро пролетает мимо. Теперь я прямо чувствую, как до меня доходит осознание очередного пиздеца. Я поднимаю взгляд и вижу латиноса, идущего к кустам на разделительной полосе

вслед за своим белым друганом. Меня охватывают разные мысли; хорошо, что хоть кеды надела, а то ведь хотела пойти в гладиаторах на шпильке, чтобы сочетались с короткой джинсовой юбкой и рубашкой и чтобы Майлз думал хуем, а не больной спиной. Теперь юбка задралась, и хорошо, думаю, что хоть про трусы я не забыла.

Вдруг прямо мне в ухо кто-то пронзительно орет:

– Я все видела, вы герой! Я сняла все на телефон! Я вызвала полицию! Я все сняла на телефон! Доказательства будут!

Я поднимаю голову и вижу маленькую толстую девку, глаза у нее почти полностью скрыты длинной черной челкой, рост 157, может, 160, вес 100. Возраст, как у всех людей с избыточным весом, определить сложновато, но, наверно, где-то к тридцати.

– Я вызвала полицию, – повторяет она и машет мобильником. – В телефоне все есть! Я вон там стояла.

Она показывает рукой, и я вытягиваю шею в направлении ее машины, которую видно под фонарями: она стоит на обочине, практически въехав задом в кусты и деревья, высаженные между дорогой и заливом. Девка смотрит на распростертого человека подо мной и на мои бедра, которыми я приперла его к асфальту: чувака трясет от рыданий.

– Он что, плачет? Вы что, плачете, мистер?

– Он у меня еще поплачет! – рычу я; приближается сирена, и вскоре около нас резко тормозит полицейская машина, залив нас синим светом мигалки.

Я вдруг чувствую, что от чувака, на котором я сижу, страшно воняет мочой. Горячий воздух наполняется смрадом.

– Фу! – загудела толстуха, зажав нос. Так воняет от старых алкашей после нескольких дней запоя.

Но даже когда теплая влага, разливаясь по асфальту, затекает мне под ободранные колени, я продолжаю прижимать мудака к дороге; он скулит. Свет фонаря бьет в лицо, властный голос велит медленно подняться. Я щурюсь и вижу, как толстуху отводит один из копов. Я пытаюсь встать, но меня как будто заклинило. Тут я наконец осознаю всю картину: я в короткой юбке оседлала развалившееся на асфальте обоссанное чмо, вокруг копы, мимо проносятся машины. Кто-то грубым рывком ставит меня на ноги, хиляк продолжает сдавленно рыдать. Невысокая мужеподобная латиноска в форме нагибается, хватает меня руками в перчатках за подмышки и резко тянет вверх:

– Отойдите в сторону!

Я не могу удержать равновесие ни руками, ни ногами, ни телом и, пытаясь подняться, наступаю на чувака. Блядь, неудобно-то как. У меня в полиции Майами есть подруга – Грейс Карильо, я бы, может, и козырнула связями, но не хочу, чтобы она или еще кто-то из знакомых застал меня в таком виде. Моя узкая короткая джинсовая юбка задралась и скаталась в толстый жгут, а все из-за того, что я ударила этого козла ногами и села на него верхом. Если просто встать, джинсовая юбка не расправится, а гребаные копы так меня держат, что сама я ее расправить не могу.

– Дайте юбку расправить! – кричу я.

– Отойдите в сторону! – снова орет сука в форме.

Трусы видно спереди и сзади, и я замечаю застывшие восковые рожи копов, которые пялятся на меня в свете фар, пока я схожу с обоссанного. Мне хочется разорвать эту тетку на куски, но я быстро вспоминаю совет Грейс не связываться с майамскими копами, хотя бы потому, что их учат видеть в каждом человеке носителя огнестрела. Двое других копов – оба мужики, черный и белый, – надевают на всхлипывающего стрелка наручники, рывком ставят его на ноги, и я наконец расправляю юбку. У него мертвенно-бледное лицо, влажные глаза смотрят в асфальт. Совсем еще ребенок, максимум года двадцать два – двадцать три. Что у него в голове?

– Эта женщина – герой! – верещит оголтелая толстуха, давая показания. – Это она его разоружила. – Она показывает на закованного в наручники пацана, который из хладнокровного убийцы вдруг превратился в жалкое чмо с большим

мокрым пятном на штанах; я чувствую мерзкую влагу на своих ободранных коленях. – Он стрелял в тех двух мужчин. – Она показывает на мост.

Там стоят двое покалеченных беглецов и наблюдают за происходящим. Латинос пытается сделать вид, что не при делах, белый закрывает глаза рукой от яркого света фонарей. Еще двое копов идут к ним. Толстая, задыхаясь, все заливает полицейской латиноске.

– Она отобрала у него пистолет и запнула под машину, – показывает она своим пухлым пальцем. Одной рукой она убирает потную челку с глаз, другой машет телефоном. – Здесь все записано!

– Что вы делали там, когда остановились? – спрашивает ее черный коп, а я замечаю, как еще один в недоумении смотрит то на мой «кадиллак», то на меня.

– Меня укачало, – говорит толстуха, – надо было остановиться. Съела что-то, наверное. Но я все видела, – и показывает копам видео на телефоне. – Другая машина сбила одного из тех мужчин, но даже не остановилась!

Хотя я чувствую, как у меня колотится сердце – даже больше, чем после кардиотренировки, – мысли заняты почему-то тем, что цвет кожи у девушки почти сливается под красной полицейской мигалкой с ее огромной адской розовой майкой, надетой поверх мешковатых джинсов.

– Да, он просто начал по нам стрелять. – Белый чувак с раздробленной ногой качнулся вперед, его удержал стоящий рядом коп, помятое лицо перекосило от боли: он показывает рукой на стрелка-мудака, которого запихивают на заднее сиденье патрульной машины. – Эта женщина спасла мне жизнь!

Руки дрожат. Не надо было уходить от Майлза, черт. Поебались бы тихонечко с обездвиженным больной спиной упырем, все лучше, чем расхлебывать теперь это дерьмо. И вот меня сажают в другую полицейскую машину, коп говорит что-то успокаивающее с таким сильным испанским акцентом, что едва можно разобрать. Я понимаю только, что они забирают мой «кадиллак», и слышу, как сама что-то мямлю про ключи, которые, наверно, остались в замке зажигания, и что моя подруга Грейс Карильо служит в МДПД и работает в Хайалии[4 - Hialeah – муниципалитет в составе Большого Майами, большинство населения – выходцы с Кубы.]. Машина трогается с места, толстуха на переднем сиденье крутит своей

жирной шеей туда-сюда и с простецким среднезападным акцентом говорит нам с мужеподобной полицейской теткой:

– Никагда не видела таких смелых людей!

Я не чувствую в себе никакой смелости, вся дрожу и думаю: зачем, блядь, было открывать дверцу и выходить из машины? И тут я отрубаюсь на несколько мгновений. Очнувшись, вижу, что мы уже въезжаем в гараж около отделения полиции Майами-Бич на углу Вашингтон и 11-й. Съемочная группа срочных теленовостей уже здесь. Они расступаются, чтобы пропустить нас через шлагбаум.

– Эти козлы с каждым разом все шустрее, – говорит мужеподобная лесбополицейская, но беззлобно, как наблюдатель.

Я как по команде поворачиваю голову к окну и вижу объектив камеры, направленный мне в лицо. Толстуха в розовом смотрит остекленевшим взглядом то на меня, то на репортера и орет, будто «держи вора»:

– Это она! Это она! Она герой!

По своему отражению в камере я понимаю, что выгляжу нехило припизднутой, и думаю, что надо бы взять себя в руки, поэтому, когда розовая пампушка в очередной раз говорит голосом феечки: «Да вы просто настоящий герой», я чувствую на своем лице легкую улыбку и думаю про себя: да, я, похоже, герой.

2

Утренние страницы Лины 1

«Раз в жизни все можно попробовать», – сказала я Ким, когда она расписывала, как сильно ей помогают эти ее Утренние страницы. Ты просто записываешь подряд все, что приходит в голову. В кой-то раз и на мою долю хватило: прошлой ночью чего только не было! Короче, поехали!

Я остановилась на мосту, вышла из машины, вдохнула плотный, влажный воздух, оперлась руками на металлический барьер и стала смотреть на темные, неспокойные воды залива Бискейн. Вдруг как ливанет, но дождь так же внезапно перестал, и так совпало, что в этот момент я услышала, как в ночной тишине кто-то стал злобно сигналить и сразу завизжали тормоза. Потом из темноты проступила машина, чуваки эти – и она. Ор, крики, пронзительный свист, по звуку которого я поняла, что это выстрел, ведь я не раз бывала с папой на охоте. Надо было сесть в машину и уехать, но я почему-то осталась – сама до сих пор не пойму почему, а уж эти долбаные настырные полицейские – и тем более. Вместо этого я подошла поближе по проезжей части и стала снимать на телефон.

Я не дура, сказала я полицейским. По тому, как они на меня смотрели – оценивающе так и снисходительно, – ясно было, что они не воспринимают меня всерьез. Но я сама виновата: говорила нервно, слишком подробно все объясняла, все от неуверенности и волнения. «Это она!» – орала я и показывала на девушку, женщину, которая только что обезвредила преступника.

Потом я показала им телефон. Картинка сначала получилась темная – как она уложила чувака на асфальт, было едва видно, но потом, когда я подошла поближе, стало четче. Она сидела на нем верхом, прижимая к дороге.

Только копы увидели запись, сразу прониклись к этой Люси Бреннан – это было очевидно. Выглядела она соответствующе: длинные каштановые волосы с выжженными флоридским солнцем прядями медового цвета. Густые брови над большими, пронзительными миндалевидными глазами, четко очерченная трапециевидная линия подбородка. Такая вся прям суровая амазонка, и на контрасте с этой суровостью – изящный вздернутый носик, который придавал ей парадоксальную мимишность. Она была в короткой джинсовой юбке, белой рубашке и белых кедах-балетках. Одно колено ободралось, наверно, когда она прижимала стрелка к асфальту своими лепными мускулистыми бедрами.

Всех нас (меня вместе с героиней в одной машине, преступника и его жертву – в другой) отвезли в отдел в Саут-Бич. Потом нас с Люси Бреннан разделили. Меня отвели в пустую комнату для допросов, где были только серые стены, стол, несколько жестких стульев и лампы дневного света, от которых раскалывалась голова. Они включили магнитофон и стали задавать мне всякие вопросы. Вопросы были в основном, куда я ехала и где была до этого.

Спрашивали так, будто преступник – я, хотя я просто остановилась на мосту и вышла подышать свежим воздухом!

Что тут скажешь? Рассказала им всю невеселую правду, что расстроилась из-за мейла, который получила от мамы, из-за всего, что у нас произошло с Джерри, что работа не идет и что жалко зверей и стыдно использовать их косточки. Полная хрень, короче. Разболелась голова, и я просто остановилась подышать свежим воздухом. Все. Они выслушали, потом полицейская тетка – латиноска, которая была и на месте происшествия тоже, спросила еще раз: «Что было дальше, мисс Соренсон?» – «В телефоне все есть», – говорю. Я уже переслала им видео.

– Мы должны услышать это и от вас, – объясняет она.

Я рассказала все еще раз.

Люси Бреннан. Пока мы ждали в отделе, она рассказала, что работает тренером вроде как по фитнесу. Неудивительно: она вся пышет здоровьем, силой и уверенностью в себе. Волосы, кожа, глаза просто сияют.

А я под одеждой вся горела от волнения, просто потому, что оказалась рядом с ней. Потому что почувствовала, что такой человек, как Люси, мог бы мне помочь. Но когда полицейские со мной закончили и дали жетон, чтобы я могла забрать ключи от машины, которая стояла на нижнем паркинге (самой мне до отдела доехать на машине не дали), я начала ее искать и еще на какое-то время зависла в полиции, но так и не нашла. Я спросила дежурного, можно ли с ней связаться. Тот строго посмотрел и сказал: «Я бы не советовал».

Я почувствовала себя как пристыженный ребенок. Так что когда чувак с телевидения заговорил со мной нормально, по-людски, я с удовольствием дала интервью и переслала им видео с телефона.

В общем, вот мои Утренние страницы. Я пишу Ким мейл и снова рассказываю все то же самое; маме не пишу, потому что они с отцом и так волнуются, что я тут в Майами. Домой я приехала уже очень уставшая, но по-прежнему на подъеме. Я пошла в мастерскую и начала делать эскизы. Я не портретист никакой, конечно, но мне очень хотелось зафиксировать фантастические золотисто-каштановые

волосы Люси и ее пронизывающий внимательный взгляд. Все мысли – только о том, чтобы снять трубку и позвонить ей.

Но с чего бы, черт побери, начать?

3

Герой

Спать не хотелось, да я и не пыталась. С рассветом я обычно делаю растяжку во Фламинго-парке, готовлюсь к утренней пробежке. Я не дам сбить себе график тренировок ни Майлзу, ни ДТП, ни какому-то стрелку-кретину, ни даже всему полицейскому департаменту Майами-Дейд. Бегу по 11-й в сторону Оушен-драйв со скоростью 12 километров в час. Дорожные рабочие-латиносы поднимают упавшие пальмы и ставят им деревянные подпорки. Восстановленные деревья благодарно шелестят и раскачиваются на прохладном ветру.

Когда я впервые сюда приехала – самоуверенная школьница-невежда, обиженная на весь мир, – помню, мамин бойфренд Либ рассказывал, что корни пальм короче, чем у других деревьев, поэтому их легко валят бури-ураганы, но они не сильно страдают и могут заново прижиться. Я скучала по Бостону и дерзко заявила, что, мол, в Майами даже корни деревьев и те поверхностные. Но до пальм мне особого дела не было, все мое презрение было направлено на красное пятно, проступавшее на лысеющей макушке Либа. Когда через пару месяцев пятно оказалось прогрессирующим раком кожи, который Либу, слава богу, прооперировали, я стала стыдиться той своей гадливости.

Добежав до Вашингтон-авеню, я замедляюсь до 6 километров в час и бегу так пару кварталов мимо тату-салонов, спортбаров, ночных клубов и магазинов, где торгуют всяким низкопробным пляжным товаром. Даже в такую рань здесь еще ошивается несколько пьяных компаний – исследуют витрины закрытых магазинов, чтобы потом вернуться что-нибудь прикупить. Визгливые девки рассматривают бикини с надписями типа «Накося выкуси»; парни тихо ржут и прицениваются к футболкам с силуэтами стриптизерш и слоганом

«Поддерживаю матерей-одиночек». В СоБи можно найти заведения для всех социальных слоев – от шикарных коктейль-баров до дешевых спортпабов и стремных пивных. Их объединяет одно: все одинаково омерзительны. Мимо проплывают кабриолеты с надрывающимися аудиосистемами – дорогими, как сами машины. Приехали покрасоваться, где попроще: на Оушен и Коллинз на них никто и не посмотрит, тамошним нарциссам и без того забот хватает. В дверном проеме замечаю трясущихся наркоманов: курят сигарету на троих. Чуть дальше двое неопределенного пола спят под кучей нестираных тряпок.

Так, хватит этой блевоты: сворачиваю в сторону Коллинз и Оушен – к песку и морю – и обгоняю какого-то синяка, который бредет спотыкаясь и бормочет что-то нечленораздельное. Без этой разминки я бы пропала. Если с утра не побегать, весь день потом мутызгаешься вместо того, чтобы действовать.

Я ускоряюсь до 16 км/ч и бегу по дорожке вдоль пляжа до Саут-Пойнта[5 - South Pointe – парк на престижной южной оконечности Майами-Бич.], на обратном пути ускоряюсь еще больше. Пролетаю мимо знакомых уже лиц, кеды шлепают по асфальту в легком темпе, дыхание ровное, все под контролем.

Вот так чувствуешь себя, когда понимаешь, что боги на твоей стороне. Все остальные – простые смертные, нелепые лузеры, такие медленные, такие ограниченные. Доведя скорость по ощущениям до ровных 16 км/ч, я пересекаю Оушен, не обращая внимания на медленно ползущие машины, и бегу по 9-й улице, потом сворачиваю на Ленокс. Впереди вижу толпу народа перед моим домом. Как и у других зданий в этом районе, у нашего – фасад ар-деко, но уникальность в том, что раскрашен он в бледно-лиловый и фисташковый цвет с абстрактными геометрическими полосами и иллюминаторами, как у океанского корабля. Но что там делают фотографы, зачем они снимают фасад дома? Я вдруг начинаю переживать, что, может, пожар или еще что, но тут меня накрывает волна ужаса; подбежав ближе, я понимаю: это по мою душу!

Я срываюсь по 9-й улице к черному ходу, но один мудак все-таки меня засек и кричит:

– ЛЮСИ! ОДНУ МИНУТКУ, ПОЖАЛУЙСТА!

Начинается давка; толпа папарацци – раскрасневшихся, болезненно жирных, с одышкой или, наоборот, жутко тощих, вампироподобных алкашей, – щурясь от

солнца, внезапно бросается за мной. Я не собираюсь сдаваться: вырываю ключи из замка, открываю зарешеченную железную дверь черного хода и, оказавшись внутри, с силой захлопываю ее за собой. В этот момент подлетает толпа: журналюги яростно прижимают друг друга к решетке. Я поднимаюсь по лестнице, не обращая внимания на их нестройный хор.

В квартире открыто окно во двор, через него проникает прохладный утренний воздух, сладкий, как родниковая вода. Я пытаюсь отдышаться.

Прерывисто звонит домофон, в итоге я не выдерживаю и отвечаю, поднеся трубку к уху.

– Люси, журнал «Лайв»! Мы очень хотим поговорить с вами насчет эксклюзива!

– Мне это не нужно! Идите нахер! И прекратите звонить в домофон, а то вызову полицию!

Я с силой вставляю трубку в стенной держатель. Животный инстинкт заставляет открыть шкаф, где я держу пневматику 22-го калибра. Купила прошлым летом, когда вокруг дома ошивался какой-то бродяга. Он потом как-то проник внутрь и надругался над девушкой с первого этажа. Я ее не знала, хотя наверняка видела. Что произошло, точно не известно, в газетах об этом не писали; так, что-то слышала от соседей: кто-то говорил, что он ее изнасиловал, другие – что только связал скотчем и кончил на нее. В общем, больной чертяга какой-то.

Мой «пистолет» – не совсем пистолет, он стреляет свинцовыми пневмопульками. Я вообще не фанат оружия. В тюрьмах и моргах полно идиотов, которые думали, что с огнестрелом в кармане они смогут всех заставить воспринимать себя всерьез. Впрочем, тот случай меня напугал, и я пошла на курсы самообороны для женщин, очень популярные кстати.

Проверяю телефон; похоже, про все уже рассказали в теленовостях, отсюда и пропущенные звонки, голосовые и текстовые сообщения: от мамы, папы, сестры Джос (фирменное «вау, ты молодец» тихим, бесстрастным голосом), от Грейс Карильо из МДПД (вела у меня курсы самообороны), Джона Паллоты – самоустранившегося владельца фейкового спортзала «Бодискалпт», на базе которого я работаю, Эмилио из (настоящего) спортзала «Смешанные единоборства Майами», на базе которого я тоже работаю, от друзей типа шеф-

повара Доминика и старых школьных приятелей и клиентов, прошлых и нынешних.

Клево; я иду в ванную и долго стою под душем, включив холодный кран на полную мощность, хотя вода тепловатая – самое то для перегретой кожи. Выйдя из душа, смотрю в щель сквозь жалюзи.

Толпа, кажется, рассосалась, хотя кто-то, может, и притаился в засаде. Снова звонит домофон. Я что есть силы кричу в трубку, чтоб на том конце голову оторвало:

– ДА?!!

Но на этот раз голос женский – подлизывающийся, мягкий и успокаивающий.

– Меня зовут Тельма Темплтон, сеть «Ви-Эйч-один»[6 - VH1 – американский кабельный телеканал.]. Я не папарацци и не с новостного канала. Мне не нужно фотографий и интервью. Даю слово: если вы меня впустите, к вам поднимусь только я. Я хочу поговорить с вами насчет телепрограммы про фитнес и образ жизни.

О, ничего себе! Я жму на кнопку и впускаю ее. Но меня сразу осеняет, что, наверно, меня разыграли и это все лажа. Я открываю дверь и смотрю вниз на лестницу. Если увижу кого-нибудь вместе с ней, сразу захлопну дверь. Через несколько мгновений слышу успокаивающий звук шпилек и вижу женщину, поднимающуюся по ступенькам на мой этаж. Никакой техники у нее вроде нет. Лет сорок, деловой костюм, гладкие светлые волосы с обесцвеченными прядями, расслабленно-неподвижное, подкачанное ботоксом лицо, ноги слегка колесом. Я стою на месте, она подходит и вдруг буквально вносит меня в мою тесную квартиру и жмет мне руку:

– Люси! Как у вас уютно.

Она улыбается, я предлагаю сесть, она усаживается на мой двухместный диван и соглашается на предложенный мною зеленый чай.

Ноги у старухи явно тренированные, целлюлита нигде не видно. Она начинает рассказывать про свое предложение. Телепрограмма про смену имиджа: я беру какую-нибудь толстую, неуверенную клушу, которая в новом веке еще ни с кем не встречалась или много лет не спит с мужем, заставляю ее сбросить вес и повысить самооценку. Приведя ее в божеский вид, я передаю ее какому-нибудь гомосеку-дизайнеру, который будет руководить вторым этапом – про макияж и шмотки.

– Идей на самом деле несколько, но эта – самая перспективная и самая простая. Мы бы вместе поработали над ней, сняли пилот и, если по цифрам все срастется, начали бы делать сериал. – Дальше она объясняет чуть подробнее. Закончив, встает и спрашивает: – Кто ваш агент?

– Мм, с агентом я пока не определилась, – соврала я.

– Сильно не затягивайте. Куй железо, пока горячо, – типа предупреждает она. – Мы работаем с лучшими людьми в этом бизнесе, я могу им передать ваши контакты, если хотите. Я не навязываю, вам лучше самой найти, кто подойдет именно вам, но я знаю одну женщину, с которой вам обязательно надо познакомиться, ее зовут Валери Меркандо. Мне кажется, вы быстро подружитесь!

– Отлично!

Она дает свою визитку, я свою – чумовую карточку с тиснением. Джон Паллота сделал.

ЛЮСИ БРЕННАН

ЖЕСТКИЕ ТРЕНИРОВКИ

Никаких оправданий, только результат

Оптимальная форма для вас!

lucypattybrennan@hardass.com

Она берет визитку, я замечаю прекрасный маникюр.

– Вау! Производит впечатление. Такого серьезного и бескомпромиссного человека мы и мечтаем найти, чтобы он вытряс из Америки все это самодовольство и был бы еще ближе к реальной жизни, чем Джилиан Майклс![7 - Фитнес-тренер и телеведущая из Лос-Анджелеса.]

– Я в любой момент готова потягаться с ней – хоть на беговой дорожке, хоть на турнике, хоть на ринге, – говорю я и чувствую, как нижняя челюсть выдвигается вперед.

– Не думаю, что это потребуется, – Тельма смеется, – хотя как знать!

Я провожаю ее на площадку до главной лестницы.

– Вау, даже не верится, что я буду сниматься в сериале!

– Давайте не будем бежать впереди паровоза.

Тельма поправляет волосы, как будто от ветра, и делает шаг к выходу. Я забегаю вперед, смотрю, чтобы на улице никого не было. Вроде чисто. Тельма хватает дверь за торец, щурясь от солнца.

– Сперва пилот, потом смотрим на цифры, – бодро говорит она. – Все упирается в цифры. – Она достает из сумки солнцезащитные очки и надевает. – Бай, Люси!

– Бай, – отвечаю я тихо и как-то безрадостно.

Дверь захлопывается, и меня охватывает странное чувство – одновременно тоска и волнение. Машу Тельме рукой через стеклянную дверь, вбегаю вверх по лестнице и наливаю себе остатки чая.

Я росла в семье, помешанной на цифрах и замерах. Папа – бывший физрук, только один раз сменивший эту работу на неприметную должность в полицейском департаменте Бостона, – зачем-то водил меня на «Фенвей»[8 - Крупнейший бейсбольный стадион Бостона.] и там грузил статистикой по

каждому игроку. Когда плохой или хороший результат подтверждал очередное его предположение, сделанное на основе этой статистики, он наклонялся ко мне и говорил со знанием дела: «Цифры никогда не врут» или «Люди субъективны, им верить нельзя, вот математика – наука от Бога. Следи за статистикой, огурчик мой, она не подведет».

Цифры, под знаком которых прошла вся моя юность, – это баллы за тесты (высокие

соответствовавшие ожиданиям) и средние академические (низкие

приносившие разочарования). Мать никак не могла меня раскусить и понять, откуда такие расхождения. Приходилось объяснять все это характером. Или его отсутствием. Отцу было глубоко наплевать на баллы, хотя списывать все на слабохарактерность нравилось и ему. Единственная разница: он объяснял ее провалами в спорте.

Мы жили в Веймуте, штат Массачусетс, – в городке, который поглотила бостонская агломерация, на так называемой Ирландской Ривьере в Саут-Шоре. Сестра Джоселин – младше меня на полтора года – была тихой, «ученой» и безнадежно неспортивной. Папа пытался с ней что-то сделать, но вынужден был отступить, и она почти полностью исчезла с его радара. Обломившись с сестрой, он взялся выбивать всю лень и тунеядство из меня. Из-за него я стала ненавидеть эти качества в других, а в себе сражалась с ними не на жизнь, а на смерть. За это, и только за это, я ему благодарна. Джоселин, которую, в отличие от меня-«огурчика», называли «сладенькой», стала любимой игрушкой матери. Сложно сказать, кому достался лучший расклад.

Я допиваю чай и ужасно зеваю. Надо идти: скоро занятие – первое на сегодня. В подъезде тихо; я проверяю почтовый ящик. Извещение из полиции: можно забирать «кадиллак» со стоянки. Они не отдали мне его сразу, чтобы сделать экспертизу повреждений на капоте.

Я иду в «Бодискалпт» – один из двух клубов на Саут-Бич, где я работаю. Появляется Мардж Фальконетти (рост 170, вес 130), жена большого корпоративного начальника, похожая на жирную личинку: ни груди, ни талии, ни жопы – какой-то надувной мячик. После нескольких упражнений на разогрев я

нагружаю ее 4-килограммовой гирей – пусть потягает.

– Полностью разогнуть руку, Мардж, вот так. – Я пытаюсь настроить себя на деловой лад, борюсь со сном и с какой-то странной обволакивающей тишиной спортзала.

Вообще, обычно здесь так тихо не бывает. Мардж старается как может, но постоянно с каким-то трепетом смотрит то на меня, то мимо. Затем, о ужас, я замечаю, что она выпучилась на один из телевизоров, развешенных по залу. Местный новостной канал со всех экранов повторяет вчерашние сюжеты, в которых я чуть ли не главная героиня. Лестер – один из моих коллег-тренеров – издает громкий возглас одобрения и начинает жиденько аплодировать; я снова появляюсь на экране: щурюсь и выгляжу напуганной.

– Крутят в новостях каждые полчаса, – ухмыляется он.

– Вы такая смелая, – мучительно улыбается Мардж.

Я бросаю на нее косой взгляд, давая понять, что никаких поблажек не будет, и снова вытягиваю шею и пялюсь в экран.

Вот я с ноги принуждаю вооруженного салагу к миру. Какой все-таки чистый удар получился, гораздо выше, чем казалось: сводом стопы со всего маху бью ему промеж лопаток. Камера приближается, я уже сижу на нем; трусы под задравшейся юбкой закрыли на экране черными полосками. Затем я наношу ему еще пару ударов кулаками, хотя, честно говоря, я этого даже не помню. Он не двигается, и это выглядит страшновато, как будто подо мной труп. Дальше слышно крик: «Я все сняла на телефон!» – картинка дергается, опять я средним планом, и темное пятно от мочи на асфальте. Дальше более профессиональное видео: я через стекло патрульной машины.

Черт, на экране я теперь появляюсь не реже этих пятнадцатилетних сиамских близняшек из Арканзаса, что прославились из-за своей ссоры: одна хочет встречаться с парнем, и это значит, что вторую – физически более слабую, – если она не согласится, та в буквальном смысле против ее воли тащит с собой. Я задумалась, каково это: будь я приклеена к Джоселин, таскала бы ее с собой или, еще хуже, таскалась за ней. Ужас.

Вся Америка увлеченно обсуждает, нравственно ли это, хотя все это – влажный сон дегенерата, не более того. Если называть вещи своими именами, то одна телочка хочет ебаться с бойфрендом, вторая против по религиозным мотивам. Девушки разделили страну на два лагеря. Я это почувствовала на себе вчера вечером с Майлзом еще до того, как мы поругались на почве его внезапно обострившегося бесхребетного радикулита. Мужики типа него считают, что предполагаемый бойфренд Аннабель – одной из сестер – нездоровый, но сильно везучий чувак. Я помню близняшек у нас в школе, как к ним постоянно приставали парни с вопросами насчет секса втроем, а потом искренне удивлялись, почему те страшно обижались. Интересно, хоть один из этих дебилов захотел бы потрахаться вместе с братом, например? Вообще-то, это называется сопереживание, но даже такое базовое чувство Майлзу неведомо. Тем временем на экране надувает губы смазливо-невинный Стивен Эббот, по сравнению с которым Джастин Бибер – незаконнорожденный выблядок Игги Попа и Эми Уайнхаус.

– Я знаю девушек некоторое время, и мне очень нравится Аннабель. Это не значит, что я извращенец. Мы просто ходим в кино, там, не знаю, сладости вместе едим, пьем лимонад. Но некоторым в голову сразу приходят грязные мысли, и всегда найдутся любители все переврать.

Аннабель кивает, но встревает вторая близняшка, Эми:

– Это далеко не все на самом деле. Они много целуются, и это ужасно!

Я отрываюсь от экрана и смотрю, как Мардж пыхтит, доделывая упражнения. Теперь надо поставить эту тушу на тренажер. Я включаю на 5,5 км/ч – достаточно, чтоб расчехлилась, затем увеличиваю до 8 – нормальной скорости бега.

– Вперед, Мардж! – кричу я, и Мардж нехотя начинает свой неуклюжий забег.

– Господи ты боже мой! – говорит, глядя в телевизор, Лестер (180 см, 84 кг) своей клиентке – симпатичной, хорошо замотивированной преподше за тридцать, которая размашисто и равномерно вышагивает на соседнем тренажере.

– Тяжело девушкам, сто пудов.

Да и похуй. Пусть себе философствуют; я разгоняю пыхтящую Мардж до 9,5 км/ч и задумываюсь еще об одной цифре: 33. На той неделе мне исполнилось 33. Возраст, на котором большинство настоящих спортсменов заклинивает. Именно к тридцати трем все становится всерьез: и что, в 34 всё, что ли? Говорят, 35 – официально средний возраст. Я не могу позволить себе с этим согласиться. Что-то во мне радуется, когда какой-нибудь бандит или толстяк типа этой потной личинки Мардж преждевременно оказывается на патологоанатомическом столе. Не важно от чего – от пуль или бургеров; главное, это дает нужный сигнал тем из нас, кто старается избежать и того и другого на пути в рай. Я увеличиваю скорость до 11, Мардж бурно протестует:

– Но…

– Все хорошо, моя милая, все хорошо, – ласково говорю я.

– Ф-ф… ф-ф… ф-ф.

Я в таком возрасте, когда женщина уже должна предъявить некий дежурный набор: муж, ребенок, а то и двое, дом, кредиты. На мне, кстати, тоже должок висит – по кредиту на образование и по карточкам, – всего примерно 32 тысячи долларов. Ипотеку я не брала, просто плачу по тысяче баксов в месяц за маленькую двушку на Бич. Я смотрю на наши фотографии: рядком висят персональные тренеры Лестер, Мона, я и Джон Паллота – учредитель заведения. Джон загорелый, подтянутый, с вьющимися волосами и непринужденной улыбкой. Именно таким я его буду помнить, но это было еще до несчастья. Жизнь может так быстро измениться, не успеешь оглянуться, и пиздец.

– О… О… О… – Мардж просто окаменела вся, жопа вихляет, как фура на трехрядном шоссе.

– Почти все, дорогая, и ПЯТЬ… и ЧЕТЫРЕ… и ТРИ… и ДВА… и РАЗ.

Тренажер замедляется до 6,5, чтобы клиент немного остыл; Мардж вцепилась в рукоятки и брызжет на дорожку густым потом, по консистенции похожим на сперму.

– Молодец!

– О!.. Господи…

Я шлепаю по красной кнопке «стоп»:

– Слезайте, берите гирю и сделайте мне мах руками двадцать раз!

О-о, это выражение лица из серии «ты хочешь сделать из меня сакральную жертву».

– Продолжаем!

Мардж покорно потеет дальше, а я задумываюсь о других важных для себя цифрах. Рост 170, вес 50. Число постоянных клиентов: 11. Число клубов, к которым «приписана»: 2. Родители: 2 (в разводе). Братья, сестры: 1 сестра, изображает праведницу то ли в Индии, то ли в Африке, то ли еще в какой-то жопе. Прошу прощения, Джоселин работает в неправительственной организации, борется с бедностью в странах третьего мира – наверно, компенсирует непримиримую позицию отца по расовому вопросу.

Та-а-ак, Мардж пытается шланговать!

– Сгибайте ноги в коленях, ниже зад! ПЛЕЧИ НАЗАД! ЧТОБ НЕ ЗАХОДИЛИ ЗА КОЛЕНИ! Уже лучше! Вот так! Хорошо!

Когда мы были маленькие, наша семья переехала из Южного Бостона в Веймут. Дом был большой и красивый, с высокими потолками и огромным задним двором. У нас с Джоселин были отдельные комнаты. Тем не менее я всегда чувствовала, что мать с отцом не были счастливы, и, пока я росла, только тайная ненависть друг к другу держала их вместе. Отец постоянно ныл о «приезжих с Дорчестера» (я поняла, что он имел в виду черных, из-за которых, как он говорил, мы и переехали в Веймут подальше от них, хотя на самом деле наше последнее местожительство было белым из белых, самым ирландским в городе). Мама эмоционально-надрывно поддакивала, добавляя еще про «падение цен на недвижимость».

– Вот так, дорогая, – я подбадриваю Мардж, – ниже зад! Ниже до конца!

Но вернемся к цифре 33. Это ужасный возраст для одинокой женщины и совершенно непотребный – для фитнес-тренера. Про это, вообще-то (обычно), не говорят, но хитрая пискля Мона, которая моложе меня на 8 лет, рост 175, блондинка, 91–61—91, и следующая по старшинству женщина-тренер в «Бодискалпте» иногда с приторным фальшивым пиететом называют меня «самой опытной». Будто я не понимаю, что она подсыпает в этот свой сахарин.

– Окей, Мардж, давайте теперь вокруг туловища слева направо… хорошо… хорошо, старайтесь гирю держать на одной высоте. – (Для толстухи со слежавшимся целлюлитом это пиздец как трудно.) – Уже лучше…

После того как Джон перестал ходить в клуб, единственный человек, с которым я по-настоящему нахожу здесь общий язык, – это Лестер. Мне больше нравится работать на базе зала «Смешанные единоборства Майами». Это уже настоящий, нормальный клуб на 5-й улице, там заведует Эмилио, бывший боксер. И клиенты серьезно настроены в плане своей формы и целей. А «Бодискалпт» – это так, сеть заведений из дерева и стекла для яппи и по духу больше напоминает ночной клуб, только дневной. Тут даже есть свои диджеи, у нас – долбоеб Тоби (к счастью, его сегодня нет), которые играют «музыку» – вялый эмбиент для ленивых толстяков, охуевших от прозака, потягивающих коктейли и воображающих, что они в каком-то спа-центре. Большинство клиентов – женщины: толстые домохозяйки, которые в мою смену смущенно разминаются рядом с тощими фотомоделями с журнальных обложек, и карьеристки, которые проводят бо`льшую часть времени за разговорами по телефону на тихоходном орбитреке. Почти все немногочисленные мужчины в этом зале – из тех, что уже почти устроили стрельбу в родной школе, но в последний момент зассали. Вместо этого решили изучать право и заняться юридической практикой, то есть выбрали более эффективный способ навредить своей малой родине. И в этом, похоже, преуспели.

Мардж закончила упражнение, и теперь я показываю ей, как сделать становую тягу с более тяжелой гирей.

– Наклоняетесь, напрягаете пресс, – показываю я, – вжимаете ягодицы, опираетесь на пятки.

Мардж пялится на меня: зияющая черная дыра рта, ошалевшие глаза, вспотевшее, раскаленное лицо.

– Продолжаем!

Мардж делает тягу пять раз и выбрасывает белый флаг:

– Можно уже закончить, а?

Я делаю глубокий вдох, упираю руки в боки:

– Сачки сачкуют, работяги работают! Давайте еще пять, Мардж, моя хорошая. Давайте, вы все можете!

– Не могу…

– Так не пойдет! Давайте еще пять раз, и будем в расчете, – требую я; она наклоняется, делает вдох. – Постарайтесь!

Толстая тварь смотрит на меня так, будто я пнула ее ногой, но подчиняется.

– ЧЕТЫРЕ!

Пустая трата времени: эти суки не хотят меняться, они самоутверждаться хотят. Их надо трясти и бить по жирным тупым рожам, чтобы молили о пощаде.

– ТРИ!

С них надо срывать покровы косности и лени, чтобы снова сделать людьми. Они, конечно, будут тебя за это ненавидеть.

– ДВА!

Вокруг да около толстой жопы ходить бессмысленно, поэтому я сразу говорю как есть, что это как заново родиться, только медленно, и еще разница в том, что ты запоминаешь весь пот, все говно, одышку, боль в костях и унижение. Зато в результате ты получаешь дух и тело, пригодные для жизни в этом мире. Мардж пыжится с гирей…

– ОДИН! И-И-И-И-И ОТДЫХ!

Гиря выскальзывает у нее из рук и шлепается на резиновый пол. Мардж наклоняется и пытается перевести дыхание, упираясь руками в колени. Я не люблю, когда роняют снаряды на пол, поэтому кричу: «Молодец, Мардж! Дай пять», чтобы заставить ее разогнуться и хлопнуть по ладони. Она едва разгибается и, снова уперевшись руками в колени, поднимает взгляд и тяжело дышит, как антилопа гну, которая спаслась от льва, но тот все-таки успел откусить у нее кусок жопы. Давай помечтай, сука толстая! Сейчас она меня, конечно, ненавидит, но как только по ней вдарят эндорфины – полюбит сразу. Она выйдет на солнечную улицу, увидит загорелые стройные тела на Саут-Бич и подумает: я должна больше стараться.

Да, сука, еще как должна.

Наши клиенты – Мардж и Лестерова преподша – заканчивают и отваливают в душ, мы делаем перерыв и ждем следующих. У нас есть офис, но он в основном используется для выплаты денег и управления заведением, так что мы предпочитаем зависать во фреш-баре, нежимся там под лучами солнца, которые проникают через наклонную стеклянную крышу. Лучшие тренеры всегда хотят быть на виду, даже если сейчас они не тренируются сами и не тренируют других.

Лестер потягивает черный кофе, я – зеленый чай. Лестер стал мне нравиться – после того как угомонился со своими байками про гетто в Южном Бронксе, которыми сначала доводил меня до белого каления. Когда он только приехал, в нем чувствовалась эта нью-йоркская надменность, эта навязчивая уверенность, что все самое интересное, передовое, безумное происходит только там. Но Флорида уже привела его в чувство. И еще он научился рассказывать избирательно: для занятий по боксу и самообороне эти истории подходили, для индивидуальных тренировок с состоятельными белыми клиентами – гораздо меньше. Входит Мона, кладет журнал с Уильямом и Кейт и идет к кофемашине. Лестер оживляется: в телевизоре появилась Сара Пейлин, говорит, что нужно жестче контролировать иммиграцию.

– Жестче контролировать иммиграцию? Бляха, жопу ей нужно свою жестче контролировать, – фыркает он.

– Хватит уже этого сексизма, Лес.

Я все равно не могу сдержать улыбку. Нельзя его поощрять, но я все равно поощряю, потому что это обижает Мону, которая снова погрузилась в свой журнал.

– Представьте, что вы каждый день живете как в сказке, – вздыхает она себе под нос.

– У Пейлин жопа-то пообвисла, – объясняет Лестер. – Сравни с восьмым годом. Зуб даю, Тина Фей ей теперь наваляет. Мечтать не вредно, че. В двенадцатом году ее не выдвинули от республиканцев, потому что жопу надо было держать в порядке. А к шестнадцатому году прикиньте, что будет: сиськи, которые смотрят прямо в подземный мир. – Лес выкатил глаза. – Ни один нормальный южный жлоб, если не сможет подрочить на нее, не встанет с дивана и не пойдет ставить за нее крестик. Дайте мне ее жопу на полгодика, и я сделаю ее жесткой и гладкой, как галька!

Лестер постоянно разглагольствует о своих воображаемых клиентах и что бы он с ними сделал. Бибера он накачал бы железом и стероидами, чтобы выглядел, как Сталлоне. Розанну Барр[9 - Американская комедийная актриса и режиссер, кандидат на пост президента США в 2012 г.] беспощадно расплавил бы, чтобы стала похожа на Лару Флинн Бойл[10 - Американская актриса, известная по телесериалам и многочисленным пластическим операциям.]. На Мону его россказни не производят никакого впечатления.

– Лес, ты настоящий шовинист, – ноет Мона, отрываясь от журнала. В ее голосе слышится осуждение, но лицо, парализованное от линии волос до челюсти токсином ботулизма, выразить его не может. – Меня она реально вдохновляет.

– Тут я вынуждена пойти против женской солидарности, – встреваю я, – потому что Лес прав. Пейлин два миллиона голосов потеряет из-за того, что так запустила жопу. Я считаю, что для баб-политиков каждые набранные полкило означают чистую потерю ста тысяч голосов. Пять кило туда, пять сюда, и когда-то преданные штаты начинают колебаться, – умозаключаю я, беру из корзины яблоко и с хрустом надкусываю.

– Точняк, – говорит Лес. – Дай пять. – Это звоночек для нее и Хилари на шестнадцатый год.

– Мне все равно нравится, что она говорит, – мрачно говорит Мона, – она очень импозантная.

– Да, с прессой справляется нормально.

Я улыбаюсь, поднимая взгляд на телевизор и одним глазом наблюдая, как Мона тоже поворачивается к экрану. Там снова я. Круто, блядь, отличный удар!

Лестер расплывается в улыбке:

– Джон по-любому будет рад, что теперь ты у нас стала телезвездой, и сам отдохнет наконец от внимания СМИ. Может, вспомнит про нас, зайдет как-нибудь!

– Надеюсь, – соглашаюсь я.

Джон – владелец «Бодискалпта», но после того, как про его несчастье раструбили на всю страну, клиентов у него нет и он редко к нам заходит. А жаль, потому что он был одним из лучших тренеров в городе.

Я достаю из сумки айфон. В нем записи и программы тренировок всех клиентов. Ввожу очередные шестьдесят пять калорий от съеденного яблока. Узнав про Lifemap TM, я наконец перестала считать в уме.

Это не просто сайт, приложение для телефона, счетчик калорий, прибор для контроля упражнений, веса, ИМТ, но все перечисленное, вместе взятое. Lifemap совершенно незаменим. Он не просто фиксирует все, что ты жрешь, и все твои нагрузки, будь то поход в торговый центр или марафонский забег. Это образ жизни, это устройство, которое спасет Америку и весь мир. Lifemap изобрели в какой-то софтверной компании, ее рекламировал бывший звездный игрок NBA Расселл Кумбс (трижды чемпион мира, провел 1136 игр за Чикаго, Сан-Антонио и Атланту. Знаменит числом перехватов за игру – 1.97. Закончил карьеру в тридцать два года…). Пиздец.

Такое значение своим тридцати трем годам я придаю главным образом потому, что здесь, в Майами-Бич, где все следят за модой, возраст задает рамку для клиентской базы. Никто в здравом уме не хочет иметь личного тренера старше себя. Никто не хочет заниматься с тренером, который плохо выглядит, а при прочих равных (что бывает редко, но тем не менее) чем старше ты становишься, тем хуже выглядишь. Есть, конечно, исключения – например, тренеры для знаменитостей или «персонажей», которые идут против течения: всякие Джей-Миксы, Харперы, Уорнеры и Пэриши мира сего. Вот и выходит, что мои клиенты – это, как правило, жирные тетки за сорок, которых уже не спасти и которые хотят выглядеть как я, а к Моне идут те, кто хочет выглядеть как она: кому за тридцать и кто уже подрастерял былую форму, – а также целый выводок бухенвальдских моделей, которые не суют два пальца в рот, только когда ждут звонка с горячей линии Conde Nast. Но и это вот-вот изменится!

Не все они тратят время попусту, надо признать. Широким шагом входит бодрая и красивая до неприличия Аннетт Кушинг; она уверенно сканирует взглядом наш фреш-бар. Аннетт занимается с Моной, но сейчас не обращает на нее внимания, морщит нос пуговкой и пристально смотрит большими черными глазами на меня:

– Поздравляю, Люси! Вы така-а-а-я смелая. Как это у вас получилось?

– Думать было некогда, – объясняю я и вижу, как Мона разевает рот; мои подвиги, видимо, прошли мимо нее. – Среагировала, как учили.

– Удар, который крутят по телевизору…

– Вы о чем? – спрашивает Мона. Лестер показывает на телевизор; там опять идет повтор. – ГОСПОДИ! – завопила Мона в восторге и быстро подбежала ближе к телику, чтобы лучше расслышать.

– Простой элемент из кикбоксинга, как джеб в боксе, только ногами, – рассказываю я Аннетт, вытягивая ногу для наглядности.

– И ничего не сказала, – блеет Мона, плохо скрывая упрек, и тут у нее отвисает челюсть.

Аннетт спрашивает меня:

– Я тут подумала – нельзя ли с вами позаниматься?

– Конечно. – Я показываю на стопку визиток. – Позвоните мне. Но заниматься будем в зале «Смешанные единоборства Майами».

Я гляжу на Мону: ну что, выкусила, пизда! С такой рожей, будто сожрала лаймовый пирог на тысячу калорий!

– Да, я готова взяться по-серьезному.

Аннетт улыбается, и они вместе с Моной идут заниматься в новенькую пилатес-студию. Сучка заплатила (вернее, какой-нибудь благодетель заплатил) восемь штук за тренерскую аккредитацию и тренажеры.

Слышно, как в нашем офисе звонит телефон. Лестер вскакивает со стула и идет отвечать. Из-за двери появляются сначала его глаза, потом вся голова.

– Люси, тебя. Теперь все тебя хотят, суперзвезда ты наша. – Я иду к нему, и он опять поднимает ладонь: дай пять! – Герой и телезвезда! Для бизнеса оч. хорш.!

– Да знаю, – ухмыляюсь я, хлопаю по его ладони и иду в нашу убогую каморку, куда свет проникает через одно-единственное маленькое окошко.

Столы приставлены к стенам по трем сторонам. Я беру трубку, вернее, достаю ее из-под каких-то клиентских бумажек на Лестеровом столе. Здесь тоже на стене висит телик: на экране опять я, в шоке и с открытым ртом, и пухлый указующий перст толстой телки в розовом. Я говорю в трубку:

– Алло, Люси Бреннан, слушаю.

– Здрасте… – Голос мягкий и нерешительный. Кажется, я где-то его уже слышала. – Это Лина, Лина Соренсон. Вчерашний свидетель с дамбы. Это я все сняла на телефон. Этих парней… которые бежали по шоссе… и как вы разоружили преступника. Потом мы были в полиции.

А, так это она! Толстуха, которая сделала меня звездой!

– Да… оке-ей.

Я смотрю на экран, но вместо нас там уже фотография какой-то девочки лет десяти. Внизу экрана подпись, что она пропала без вести. Потом снова появляются сиамские близняшки из Арканзаса.

– Я ваш номер в интернете нашла, – задыхается толстая. – Погуглила ваше имя и нашла сайт спортзала, где про вас сказано, что вы персональный тренер.

Так, выследила меня, неудачница.

– Прекра-а-асно. Как дела?

– Хорошо… или не то чтобы хорошо, – говорит она уклончивым, полуисповедальным тоном. – Я, как бы это, поправилась сильно в последнее время и очень хочу привести себя в порядок. Подумала, может, вы сумеете мне помочь?

– Я как раз этим и занимаюсь. Когда сможете прийти на консультацию?

– Я здесь рядом живу, в Северном Майами-Бич. Можно завтра к вам заскочить где-нибудь с утра?

– Конечно… – При этом я смотрю на другой, небольшой телик, висящий на противоположной стене офиса: там мы с ней снова на экране, на другом канале. Толстожопая туша в розовом с феноменальными складками на шее расхваливает меня, рассказывает, какая я героиня. – С нетерпением буду ждать встречи в более спокойной обстановке. В десять удобно?

– Удобно, – говорит она неуверенно.

– Окей. Тогда завтра и начнем, – сообщаю я ей. – В десять чтоб как штык.

– Хорошо… – Вялый, виктимный голос дрожит на другом конце линии.

Я кладу трубку и собираю свои вещи. Прощаюсь с Лестером во фреш-баре, выхожу на улицу и иду в отдел полиции Майами-Бич на углу Вашингтон и 11-й. В

отделе узнаю вчерашнего копа – черного, толстого коротыша, который, неодобрительно осмотрев меня с ног до головы, просит подписать формуляр, после чего отдает ключи от машины. Спускаюсь в паркинг, как он сказал, и нахожу свой «кадиллак-девилль». Осматриваю вмятину от столкновения, и на душе такое чувство, будто забираю из приюта любимую, но опасную собаку. Сажусь за руль, включаю зажигание: машина заводится с первого раза. Выезжаю из темного подвала на яркое солнце, сворачиваю на свою улицу и объезжаю квартал, чтобы посмотреть, не осталось ли кого из папарацци в засаде. На улице тихо, только пальмы шелестят на легком ветру; неожиданно свет тускнеет и с океана наползают грозовые тучи, закрывая солнце. Что, так быстро потеряли ко мне интерес, что ли? Захожу домой, но даже не смотрю почту, потому что сегодня вечером важное мероприятие. Мишель Пэриш в городе, будет рассказывать про новую физкультурно-диетологическую программу!

Надеваю белые льняные брюки и синюю майку, закалываю волосы в классический шиньон – тренерский конский хвост достал ужасно. Пока собиралась, тучи прошли, и теперь на улице прекрасный вечер, какой и должен быть в Майами-Бич, – жаркий и мягкий. Солнце садится, насекомые задумчиво жужжат, я уверенно иду сквозь сексуально-тропический воздух Майами к машине, довольная, что грозы не будет. В «кадиллаке» магнитола сломана, но у меня с собой диски, и я включаю кубинский хип-хоп, который купила за пять баксов у какого-то жулика на Вашингтон-стрит. Обычно я так не делаю, но у парня были офигенно красивые глаза. Купила наудачу, но надежды оправдались: воздух наполняет тяжелый бит в ритме самбы, аккуратно вступает клевый вокал по-испански. Эх, знать бы, про что поют.

По мосту Макартура проезжаю над заливом Бискейн и попадаю в Корал-Гейблз. Ставлю машину в квартале от книжного магазина и иду пешком. Сам Майами я терпеть не могу, я фанат СоБи, но Гейблз – одно из немногих мест на материковой части, которые можно терпеть, и во многом благодаря как раз книжному. «Букз-энд-букз» – шикарный магазин с офигенным кафе в открытом дворике, в углу там обычно играют клевые музыканты. Пару раз я даже сняла себе парней, а однажды – телочку.

Сижу, в общем, вбиваю инфу по калориям и физнагрузке в Lifemap TM на телефоне, вокруг постепенно собирается толпа. На подиум, где уже сидит Мишель Пэриш, поднимается женщина в очках, с темными вьющимися волосами.

Она чуть ниже ростом, чем я себе представляла, очень живая и полная энтузиазма, такая же как в своей программе «Сбрасываем вес!».

Женщина на подиуме с острым взглядом и резкими птичьими движениями готовится представить Мишель, но вдруг ее лицо вытягивается: мы встречаемся взглядами, и видно, что она меня узнала.

– Я хочу сказать, что среди зрителей сегодня присутствует наша местная героиня. – И она показывает прямо на меня. – Смелая женщина, которая разоружила преступника на Татл-Козвей!

Стараясь не сжаться от страха, я смотрю по сторонам и принужденно улыбаюсь. На долю секунды возникает пауза, после которой весь зал, человек сто, взрывается аплодисментами, и активнее всех – Мишель: она встает и яростно хлопает в ладоши. Господи. Только. Не. Это. Я готова провалиться сквозь землю!

Смотрю на лица, застывшие в предвкушении чего-то, и хочу поскорее уползти куда-нибудь. Так, блядь. Спокойно. Наслаждаемся моментом. Я киваю и чувствую, как деревенеет спина. Скромно улыбаюсь, фальшиво, понятное дело, но стараюсь. Почему бы и нет, блядь, в конце концов? Я проявила участие, спасла двух невинных людей от злобного психопата. Так что спокойно. Я шагнула навстречу опасности! Пришла на помощь!

Аплодисменты стихают, и вводная часть продолжается. Встает Мишель и начинает. В ней примерно 160 сантиметров и 50 кило, она похожа на карманный динамометр. Динамометр рассказывает нам про какие-то Утренние страницы.

– Не знаю, слышал ли кто-то из вас про Джулию Камерон, ее книгу «Путь художника» и Утренние страницы… – Мишель смотрит поверх очков; красотка, их тех, что не циклятся на своей сексуальности, а в зале встает лес рук. – Хорошо. Очень рекомендую. Это очень просто. Нужно каждое утро исписывать три страницы текста, лучше от руки. Получается примерно семьсот пятьдесят слов: поток сознания, без цензуры, все, что придет в голову. Правильно или неправильно – разницы нет. Так вы высвобождаете свои мысли на весь день. Я бы еще добавила: чипсы и орешки лучше отставить подальше!

Кто-то засмеялся, и мы сразу перешли к делу: Мишель виртуозно разнесла в пух и прах низкоуглеводную диету, столь популярную на Саут-Бич. Я сюда и пришла

как раз за этим, а не слушать про какую-то литературную срань.

– Диета без физкультуры – это как физкультура без диеты – модно, но бессмысленно, – говорит Мишель сосредоточенно, как хладнокровный киллер, и выжигающе смотрит своими яркими глазами прямо на меня; мне нравится, как она наклоняет голову вбок на своей удивительно длинной шее и как напрягаются ее маленькие стоячие сиськи в узкой блузке. – Люди поправляются не потому, что неправильно питаются или ведут сидячий образ жизни. Люди поправляются от того и другого одновременно. Борьба с ожирением должна быть комплексной. Модные диеты выходят из моды!

Из зала как по команде раздаются радостные возгласы; многие пришедшие – из тренерского сообщества, и я узнаю одну тварь из «Хрусть» и еще одного пидора из «Равноденствия». Но лишь одной из присутствующих удалось переговорить с Мишель после лекции. Я тоже подбегаю к подиуму, и даже самые боевитые козлы из тренерского братства расступаются и дают героине возможность первой подойти к Мишель. Помимо беседы я удостоилась ее визитки и аж личного электронного адреса!

– Черкните мне, Люси, – говорит она, – надо бы пообщаться. – Она улыбается и, устало пожимая плечами, поворачивается к требующей внимания толпе.

Еду домой почти в экстазе. Жму на пульт, чтобы открыть ворота. Ставлю машину на заднем дворе и собираюсь подняться. Надо поменять лампочку на черной лестнице на третьем этаже, а то темно, ни фига не видно. Вдруг какой-то шум, шквал музыки, чьи-то голоса надо мной. Я напряглась, но это просто детишки из квартиры этажом ниже. Юный диджей – мой сосед – кивает, его дружки змейкой проходят мимо. Я вхожу в квартиру и сразу сажусь за ноут.

4

Контакты 1

Кому: lucypattybrennan@hardass.com

От: thelmajtempleton@vh1.com

Тема: пилот для ТВ

Люси,

рада была познакомиться и побывать у Вас в гостях!

Как только решите насчет агента, обязательно сообщите: я бы хотела запустить работу по пилоту в максимально сжатые сроки. А пока прикрепляю документ с кратким описанием некоторых наших идей для программы, которые мы подробно обсудим при встрече: я планирую ее на завтра, на вторую половину дня. Устраивает Вас такой вариант? Хочу подчеркнуть, что на данный момент это только идеи, в граните ничего не высечено, и совершенно очевидно, что Ваши предложения очень важны. Мы еще раз просмотрели фото и видео, и все мои коллеги-продюсеры едины во мнении: Вы у нас очень фотогеничная, потенциальная телезвезда. С большим нетерпением ждем начала совместной работы!

Пожалуйста, сильно не волнуйтесь из-за телевизионщиков и папарацци, которые караулят Вас под дверью. Новостники, да хранит их Бог, не отличаются устойчивостью внимания. Как только они услышат, что в отеле на Оушен-драйв участник American Idol[11 - Американский песенный телеконкурс.] напился в баре или привел кого-то в номер, они быстро переметнутся всей толпой туда. Еще раз: хороший менеджер / PR-агент поможет Вам справляться с нежелательными вторжениями. Как я уже говорила, я взяла на себя смелость и передала Ваши координаты Валери Меркандо.

Всего наилучшего,

Тельма

Охуенно!

Кому: lucypattybrennan@hardass.com

От: valeriemercando@mercandoprinc.com

Тема: Сотрудничество

Здравствуйте, Люси!

Меня зовут Валери Меркандо, я возглавляю PR-агентство в Майами, среди наших клиентов – модели, фотографы, художники, актеры, а также звезды реалити-телевидения. Мне передала Ваши контакты Тельма Темплтон, которая, если я правильно поняла, с Вами недавно встречалась.

Мы в Mercando PR твердо уверены, наш клиент – это звезда. Валери и Хуанита Меркандо, совместный опыт которых превышает 40 лет, создали инновационную репутацию ведущего бутик-агентства для клиентов премиум-класса Южной Флориды. Если Вы решите стать одним из наших клиентов, позвольте заверить Вас, что мы будем заботиться о Вас по-настоящему. Ваш героизм захватил умы и сердца жителей Южной Флориды и других регионов.

Мы будем очень рады возможности работать в тесном контакте с Вами, издателями и вещателями и сделаем все от нас зависящее, чтобы бренд Люси Бреннан стал сильным, как он того и заслуживает.

В качестве отправной точки у нас есть несколько четких идей, как переделать Ваш персональный сайт.

Со мной можно связаться по телефону 305-664-6666.

Сообщите, пожалуйста, насколько Вам все это интересно.

Всего наилучшего,

Валери Меркандо,

генеральный директор

Mercando Public Relations Inc

Охуенно! Я сразу набираю Валери Меркандо. Серьезная тетка. Я говорю, что завтра встретиться не смогу, потому что утром у меня клиенты, а после обеда – встреча в телекомпании. Она предлагает устроить совместный ранний завтрак.

О да. Здравствуй, слава! Я чувствую вдохновение и сразу перехожу к Мишель!

Кому: michelleparish@lifeparishioners.com

От: lucypattybrennan@hardass.com

Тема: Привет!

Привет, Мишель!

Для меня огромная честь не только познакомиться с Вами, но и услышать от одного из самых передовых людей в нашей сфере то, чему я пытаюсь учить уже 15 лет. Это произвело на меня невероятное впечатление! Получается, все, что я делаю, правильно! Поэтому я беззастенчиво ловлю Вас на обещании пообщаться с Вами напрямую.

Для начала я хотела бы сказать, что Вы по-настоящему номер один, царица горы, и я тоже хочу быть такой. Я не стану писать Вам всякие раболепные фразы типа «Я Ваш самый большой фанат»: исходя из того, что я сегодня увидела, у Вас этого добра и без меня хватает. Я хочу сказать, что Вы для меня – настоящий пример для подражания.

Мишель, Вы знаете, что я тоже персональный тренер и ярый борец с чумой ожирения, которая пожирает нашу страну. Вы также знаете, что недавно я тоже стала вроде как медийной знаменитостью, разоружив преступника на Татл-Козвей. После этого инцидента ко мне стали проявлять очень много внимания, и теперь один из кабельных телеканалов хочет заключить со мной контракт. Скажите, пожалуйста, можно ли порасспрашивать Вас о преимуществах и вероятных подводных камнях медийной известности?

Не то чтобы я сильно хотела раскрывать свою личную жизнь, но я бисексуалка, живу активной сексуальной жизнью и знаю, что один этот факт делает меня потенциальной мишенью для алчных СМИ и публики. Помогите мне! Будете в СоБи, заходите!

С пожеланиями дальнейших успехов,

Люси Бреннан

Кому: questions@jillianmichaels.com

От: lucypattybrennan@hardass.com

Тема: Я знаю, что это почти безнадежная попытка, но…

…вдруг вы все-таки отвечаете на письма лично, поэтому для начала я хотела бы сказать, что вы по-настоящему номер один, царица горы, и я тоже хочу быть такой. Я не стану писать вам всякие раболепные фразы типа «Я ваш самый большой фанат». Подозреваю, что у вас этого и без меня хватает. Но я хочу сказать, что вы для меня – настоящий пример для подражания.

Джилиан, вы знаете, что я тоже персональный тренер и ярый борец с чумой ожирения, которая пожирает нашу страну. Вы также знаете, что недавно я тоже стала вроде как медийной знаменитостью, разоружив преступника на Татл-Козвей. После этого инцидента ко мне было очень много внимания, и теперь один из кабельных телеканалов хочет заключить со мной контракт. Скажите, пожалуйста, можно ли порасспрашивать вас о преимуществах и вероятных подводных камнях медийной известности?

Не то чтобы я сильно хотела раскрывать свою личную жизнь, но я бисексуалка, живу активной сексуальной жизнью и понимаю, что один этот факт делает меня потенциальной мишенью для алчных СМИ и публики. Помогите мне! Будете в СоБи, заходите!

С пожеланиями дальнейших успехов,

Люси Бреннан

5

Спасательные круги

Встаю с рассветом, в 7:07, как всегда в это время года. Будто тумблер какой-то срабатывает: не могу спать, когда солнце уже встало, хоть убейся. Даже в затемненной, зашторенной комнате без единого лучика света организм все равно просыпается. Надеваю тренировочный костюм, делаю растяжку и отправляюсь на пробежку по Саут-Бич. Впереди расслабленно бегут парень с девушкой, быстро обгоняю их. Залетаю во Фламинго-парк, останавливаюсь у брусьев и турника и делаю четыре подхода по пятнадцать подтягиваний. Возвращаюсь домой по Ленокс, принимаю душ, сажусь в свой «кадиллак» и еду в «Сохо-Бич-Хаус» на встречу с Валери Меркандо. Мы договорились встретиться за завтраком на заднем дворике. Я приехала раньше – хотела посмотреть, что за место, и, надо сказать, производит впечатление. Теперь Бреннан будет тусить здесь!

А вот и Валери Меркандо: заходит, прикрывая глаза от утреннего солнца. Выглядит старше, чем я себе представляла по ее высокому голосу в телефоне. На ней строгий деловой костюм в стиле восьмидесятых, он излучает холодность и как бы сообщает: «Могу и в глаз дать, но сейчас давай о деле», – такая латиносская Опра Уинфри.

Старушка – моего поля ягода, без балды.

Она заказывает тот же завтрак, что и я, – по моей рекомендации – и настаивает, что заплатит за нас обеих; мы садимся за столик на улице. Валери снова надевает темные очки и говорит, что Тельма отправила ей информацию по телешоу.

– Концептуально все вполне здраво, но решать вам. По финансам, мне кажется, они немного занизили…

– По правде сказать, я не видела само предложение.

– Вы не открывали приложенный документ?

– Еще нет, – признаюсь. Я не заметила этого приложения и теперь чувствую себя полной ебанаткой. – Вы ж понимаете: все это как снег на голову.

– Да, все это, конечно, очень волнительно… Но на данном этапе я вам скажу два важнейших правила. Первое: ничего не подписывайте…

– Поняла.

– …и второе: хотите, вместе сходим на сегодняшнюю вашу встречу? Буду рада представлять вас на временной основе. Нет пока необходимости нанимать меня официально, и если вы выберете кого-то другого, я с удовольствием его проинструктирую. Хотя мы, конечно же, очень хотели бы с вами работать.

– Убедили. Вы правдоруб, и я правдоруб. По мне, так вы уже заработали свои десять процентов, – говорю я и чувствую, как из-за этого словечка «правдоруб» внутри меня всю передернуло: словечко из книжек по менеджменту от мамы и Либа.

Мы жмем руки и целый час говорим без остановки. Между нами возникает симпатия, и тон Валери становится менее деловым и более открытым.

– Телевизионщики всегда следят за перемещениями копов. Будь готова к таким вторжениям в течение примерно пары недель, – говорит она в ответ на мои жалобы на журналюг. – Потом все будет так, будто ничего и не было, если, конечно, не случится что-нибудь, из-за чего ты снова окажешься в новостях.

– Все вроде уже закончилось.

– Не переживай. У тебя есть кое-что настоящее, что можно продать. Героизм в наши дни – необычное качество, встречается нечасто. Мы расхваливаем нашу армию, а Пентагон в итоге признает, что армия – рассадник насильников и психопатов. А вот люди, способные на поступок, по-настоящему поражают воображение.

– Согласна.

Она хихикнул:

– Некоторые говорят, что мы на ТВ натворили дел, особенно на реалити. Буду откровенна. – Она понижает голос. – Я пришла в эту сферу, чтобы делать качественные вещи, но на них просто нет спроса. Люди настолько запуганы, настолько тупы и покорны, что, если чувствуют вызов, сразу переключаются на другой канал, где им показывают мир бессмысленных паразиток типа Пэрис или всяких Кардашьян, у которых есть деньги. Они или хотят воображать себя в их кругу, или смотреть, как тех ебут.

– Точно, – киваю я. Черт, крутая тетка, прям рубит с плеча.

– Поэтому мы отчаянно ищем настоящего героя. Так что к тебе будет много внимания, – и она сканирует меня лукавым взглядом, – хотя не так уж это и плохо!

Пару секунд я думаю, не флиртует ли она со мной, но быстро отбрасываю эту мысль.

– Выглядеть хорошо, кроме прочего, нужно еще и потому, что порченый товар делает человека одиноким, – объясняю я. – Но это Саут-Бич, здесь на каждого найдется какой-нибудь наглый мудак или самовлюбленный подонок.

– Не забывай: люди одержимы знаменитостями. Если возьмут на прицел какие-нибудь психи, звони, – говорит она.

Я почему-то вдруг вспоминаю жирную телку с Татл-Козвей – ее челку и невероятный второй подбородок.

Соренсон.

Валери принужденно улыбается. Агент до мозга костей.

– Ладно, – она встает, – увидимся на канале сегодня.

– Буду ждать с нетерпением.

Мы выходим на улицу, парковщики подгоняют наши машины. Мы снова жмем руки, мол, договорились.

От великого до смешного: когда я приезжаю в «Бодискалпт», меня уже поджидает Мардж Фальконетти с потерянным видом. К большинству клиентов, а в моем случае почти все они женщины, ты стараешься подобрать ключик. Например, секс: желание, чтобы тебя считали привлекательной, чтобы кто-то хотел тебя. Или дети: быть живчиком, быть в форме, вести активный образ жизни, чтобы стать для них позитивным примером, видеть, как они растут, и застать внуков. Или страх смерти: врач сказал убрать спасательный круг, или, мол, пеняй на себя. Даже с такой мотивацией все равно приходится заставлять, но хотя бы есть за что зацепиться. Фальконетти же просто хочет сохранить свой бездарный образ жизни. Все, что мне нужно, – это не дать ей докатиться до диабета второго типа, чтобы острый приступ не прервал ее далекоидущие планы. Занятия со мной три раза в неделю дают ей оправдание, чтобы сидеть на диване, смотреть сериалы и жрать чипсы. Меняться она не хочет, хочет, чтоб я говорила ей, что все у нее хорошо. Она платит $75 за занятие, и меня вполне устраивает, что я работаю с ней на автомате и просто не даю ее отвислой жопе разрастаться бесконтрольно.

Но у нее все равно остаются иллюзии, которые надо развеять. Я же профессионал, в конце концов.

– Снижение веса для борьбы с диабетом второго типа не поможет, Мардж. Если вы предрасположены к диабету, вам нужно выполнять предписания врача в плане диеты.

– Я знаю, но… – Она осеклась.

– Вот у вас Винсент есть, – это ее любимый мопс, – вы же не будете кормить его шоколадом, так ведь?

– Нет, конечно.

– А почему?

– Потому что это его погубит!

– Да, но сами-то вы его едите. Как, по-вашему, на вас влияет шоколад?

Она тупо смотрит на меня. Почему они не врубаются? Почему я должна тратить время на этих идиоток, которые считают, что если три раза в неделю ходишь на тренировку, то можно обжираться мороженым «Бен энд Джерри»?

– Тренировки три раза в неделю не спасут вас от диабета, – говорю я. – Поговорите с Тони, – это я про ее толстого мужа, – вы же знаете, что у него избыточный вес. А он наверняка постоянно просит вас приготовить что-нибудь вкусненькое, и в итоге вы едите то, что вам нельзя.

– Мы итальянцы…

– Да выбросьте вы это из головы. Нельзя быть рабом отживших культур. У меня ирландские корни, но я не пью «Гиннес» и не жру тушеную говядину с хлебом. Мы американцы, блин!

Мардж пялится на меня с болью во взгляде.

– Динамика очень сильно зависит от того, хочет человек измениться или нет. Я всегда говорю: если хочешь измениться, ты должен решить, что это нужно именно тебе.

В ответ я слышу привычное блеяние, что, мол, надо быть женой и матерью. Извечная слабость, причем такого типа, который я ненавижу больше всего: полная зависимость от мужа и воспитание не детей, а нового поколения свиней на убой, но с произнесением пафосных речей о любви.

Мне трудно помочь Мардж измениться еще и потому, что она не понравилась мне с первого взгляда. Не из-за дряблого мяса, затянутого в черную лайкру, будто покрашенную из баллончика, и не из-за нелепого макияжа. Нет. Всему виной бейсболка «Янкиз», которую она нахлобучивает себе на голову. Да, я сама не местная и теперь уже больше половины жизни прожила здесь, но я из Бостона и презираю все, что связано с командой «Янкиз»[12 - «Нью-Йорк янкиз» – бейсбольная команда, главный соперник «Бостон ред сокз».]. Тем более

эту суку, которая и в Южном Бронксе-то, скорее всего, не была. Слава богу, мне хватает профессионализма, чтобы не показывать свои истинные чувства.

Поэтому я заряжаю ее на час гирями – сжигать жир на квадрицепсах. Как же она ненавидит эти гири! Но тем не менее делает и подъемы на платформу, и выпады, и приседания, и жим ногами, и спринт на 40 ярдов. Я слежу за ней как хищник, высматривающий сбитую падаль на шоссе, и все время вбиваю результаты в Lifemap. Мы заканчиваем, и она, истекая потом, склизкой улиткой ползет в душ.

О да, у нас тут конвейер: еще один кусок сала явился и желает, чтобы ему придали человеческий вид, – Лина Соренсон. Она где-то раздобыла серые бесформенные штаны для йоги, которые даже ей велики. В чем-то это даже хорошо: обычно бабы носят очень тугие штаны и натягивают их слишком высоко, так что видно верблюжьи лапки. Женщины вроде Мардж почему-то думают, что если влезть в размер поменьше, то это и будет твой размер. Но прикид Соренсон – как предупреждающий сигнал: штаны для йоги стали дежурной спортивной одеждой для баб, которые стесняются своего тела и, что еще хуже, несерьезно относятся к занятиям. Штаны действительно адские, но еще круче – старая майка в облипон с Eurythmics, в которой ее сдобное брюхо аппетита не прибавляет.

А главное – уже 10:07. Опоздание учтем, сучка крашеная. У Соренсон на лице выражение коровы, которую привели на убой. Она боязливо глядит на снаряды, как будто сейчас ее на них разложат и станут отдирать тучную плоть от костей. Впрочем, для этого они тут и стоят. Я приветствую ее с натянутой улыбкой. Вообще со временем начинаешь сразу определять, сколько выдержит очередная толстая харя. Этот экземпляр больше двух недель точно не протянет.

Я достаю сантиметр и веду ее взвешиваться. Лина Соренсон, рост 157, вес 92, продолжает нервно верещать:

– Я уже давно думала, что надо начать заниматься… Слушайте, я надеюсь, вы не против, что я отдала каналу видео с телефона. Я не подумала. Надо было у вас сначала спросить.

Не против? Она меня звездой, блядь, сделала!

– Это было довольно бестактно, – говорю я, чтобы не благодарить и не уступать даже части власти над ней. – Под дверью с утра торчали папарацци.

– Простите, ради бога…

– Ничего, бывает, давайте не будем зацикливаться, – улыбаюсь я. – Вы готовы?

– Насколько это вообще возможно, да, – отвечает Соренсон неуверенно.

Устраиваю ей небольшой разогрев с гирями и растяжкой. Она отрабатывает относительно неплохо, при приседаниях спину держит нормально. Мы заканчиваем; пусть еще пожалуется на свою несчастную жизнь.

– Вы же знаете, как говорится, жизнь проходит, а ты все чем-то занят…

Соренсон, видимо, относится к той породе баб, что могут бесконечно болтать, толком ничего не говоря, и я пока не могу ее раскусить. Может, перестала за собой следить после замужества и рождения ребенка. Очнулась после длительного приема прозака, вся в пеленках, муж видеть не хочет, уехал по делам или на гольф, а ты – безобразная бегемотиха. Как такое могло произойти? Почему я такая толстая? В моем деле привыкаешь серьезно относиться к стереотипам и клише, они возникают не на пустом месте. Но на пухлом пальце нет кольца. Ладно, хватит домыслов: скоро узнаем, что там у нее. Во-первых, надо начать сжигать жир, сделать из нее потогонный аппарат.

Я не большой фанат беговой дорожки, по мне, лучше тренировки со свободными отягощениями для формирования мышц корпуса при одновременном увеличении кардионагрузки и сжигании жира. Но беговая дорожка тоже может быть полезна, чтобы загрузить сердечно-сосудистую систему и развить у нашей диванной картофелины выносливость. Она залезает на дорожку, я устанавливаю слабенькие 5 км/ч. Она продолжает болтать, теперь хочет поговорить о нашем происшествии, но извини, дорогая мисс Соренсон, раз у тебя есть запал пиздеть, значит есть силы заниматься, вперед! Я увеличиваю скорость до тех пор, пока она не затыкается и не начинает истекать потом. Нагрузка получается тяжелее, чем я обычно даю людям ее роста и комплекции, но мне почему-то совершенно все равно, придет она снова или нет, что, вообще-то, у меня по отношению к клиентам бывает редко. Я все-таки этим на жизнь зарабатываю.

Мардж и клиентка Лестера выходят из душа и идут во фреш-бар. Я ловлю довольную улыбку Мардж, брошенную в сторону моей новой девочки. Чтобы кто-то еще был почти таким же жирным, как она, по крайней мере среди молодых, белых и богатых, – это редкость для Майами-Бич. Однако у меня возникает смутное чувство, что Соренсон чем-то отличается от других. Да, над ней висит туманный ореол депрессии и виктимности, жалости к себе, которая бесит меня больше всего. Но я чувствую, что она хочет измениться: сквозь страх в глазах виден отблеск упрямства.

После того как Соренсон нехотя ушла, посмотрев на меня, будто ждала какого-то страшного разоблачения, а не будничного «в пятницу в это же время», я сжигаю четыреста калорий на беговой дорожке и еду домой. Журналюг нет, слава богу.

Варю себе на обед брокколи со шпинатом и делаю протеиновый коктейль из арахисового масла и бананов (460 калорий). В кармане шорт завибрировал телефон: судя по определителю, отец.

– Привет, дочура! Ну что, вся в отца!

– М-да, спасибо.

– Я чуть не офигел, когда услышал. Сначала удивился: кой черт она полезла на вооруженного преступника? Но потом понял: это же Бреннан, из такого, значит, теста сделана. По-другому и быть не могло.

Я люблю отца, хотя именно он отправил меня сюда жить с мамой, когда я хотела остаться в Бостоне. Разумеется, если кого-то любишь, это не значит, что ты не можешь считать его мудаком. Он написал серию из пяти судебно-полицейских романов, главный герой которых Мэтт Флинн – сыщик из Бостонского полицейского департамента, переквалифицировавшийся в частные детективы. Каждый из романов продавался лучше предыдущего, а нынешний угодил в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Сейчас он пишет какую-то херню про флинновский Бостон для «Бостон глоб». Как всякий физрук, он очень энергичен. Я не знаю, почему он так беспокоится из-за своих корочек, вернее, из-за их отсутствия. Своди какого-нибудь жирного копа на обед, и азы всей этой полицейской трехомундии усвоишь как не фиг делать. Остальное – дело писательского воображения.

На суперобложках к отцовским книгам пишут, что он восемь лет проработал оперативником в отделе расследования убийств бостонской полиции. В ирландских барах Южного Бостона над этим бы поржали, конечно. Он служил в БПД, ходил по форме, но всего три года, после чего его выперли за «расистское поведение» после некоего инцидента на складе в Дорчестере. Тот еще предлог: за это из бостонской полиции даже Йозефа Менгеле не уволили бы. На самом деле причина была в том, что он взял на себя вину одного вышестоящего офицера. Отступные отец использовал с выгодой: написал неплохой криминальный роман. После дебюта он расцвел, став любимым автором жителей предместий. Они могут спать спокойно, зная, что главный герой – бостонский детектив Мэтт Флинн – где-то рядом, защищает их и красиво разруливает запутанные истории. Отец, по сути, слился со своей отретушированной фоткой с обложки и выглядит как коренастый вариант доктора Дрю[13 - Дэвид Дрю Пински («Доктор Дрю») – американский нарколог и медиаперсонаж.], если бы доктор Дрю был вышибалой. Подозреваю, не обошлось без ботокса, но он отрицает наотрез.

– Спасибо, пап. Как вспомню, так страшно становится, но я отреагировала рефлекторно.

– Ты молодец! Я рад, что когда-то отвел тебя на кикбоксинг и тхэквондо. Ты спасла жизнь двум людям и себе, наверное, тоже.

Я знаю, что отец зарабатывает на жизнь художественно-криминальными преувеличениями, но сейчас он сказал правду, от которой меня передернуло. Хотя в меня тот чувак специально не целился, но откуда знать, на что способен мудак с пистолетом, когда он уже ранил кого-то.

– Я тоже. Рада.

– Я вот еще что хочу сказать: я собираюсь сделать тебя богатой, принцесса! У меня появились контакты в Голливуде. Я общался с агентами и продюсерами по поводу экранизации Мэтта Флинна для кино и телевидения.

Что ему ответить?

– Хм, окей… но ты, видимо, опоздал. Со мной уже связались люди с одного телеканала, хотят снять пилот. Я как раз иду с ними встречаться. На меня уже

работает местное актерское агентство.

– Папина дочь. Чисто бреннановское честолюбие! Но ты смотри, осторожнее там с ними. Надеюсь, врожденная южно-бостонская смекалка тебе пригодится. Знаешь, что мне тут один голливудский умник на днях сказал?

– Ну.

– Он сказал: «Мэтт Флинн – это такая заначка на черный день для Деймонов, Аффлеков и Уолбергов. Когда изображать красавчиков из спортзала сил уже не останется, эта поебота про опыт и седину может сработать».

– Ага, понятно.

– Нет, ты только подумай! А я ему ответил: это же актеры ёбаные. Пока они будут готовы сыграть стойких пятидесятипятилетних оперативников БПД, им будет по семьдесят и урна с моим прахом уже будет стоять у кого-нибудь на полке!

– Пап, тебя опять на мрачваген потянуло…

– Ну а что, часы-то тикают. Роди мне внука, а; девять месяцев, всего делов-то, но только, чтоб я им гордился. Он у меня будет учиться в лучших школах. Ты вообще не будешь его видеть. Дитя, я имею в виду.

Господи, я надеялась, что сегодня он не заведет эту шарманку.

– Знаешь что? Ты когда-нибудь задумывался, почему всякий раз, когда ты спрашиваешь меня об этом напрямую, я все больше склоняюсь к лесбийской любви? И так с шести лет?

– Солнышко, не надо так с папой. Как бы то ни было, лесбиянки тоже заводят детей, это сейчас очень модно. – (Он продолжает спорить. Отец знает, что я би. Ему это не нравится, но он хотя бы это признает. Мать начинает чуть ли ни тошнить всякий раз, когда я об этом говорю. Будь ее воля, отправила бы меня на шоковую терапию.) – Кто станет отказывать женщине в праве на материнство по причине ее сексуальной ориентации?

Я хочу резко ответить, что могла бы найти сотню мужиков, чтобы от них забеременеть, но подозрительным образом единственный, кто в связи с этим приходит мне в голову, – это Майлз.

– По причине личного выбора, а не ориентации, по той причине, что я не хочу, чтобы мое тело превратилось в кусок говна, потому, что я люблю поспать, люблю упругие сиськи, тугие…

– Только не надо мне рассказывать про «тугие вагинальные стенки», пожалуйста. Я твой отец, млядский род! Я не могу говорить отвлеченно, когда речь идет о тебе!

– Прости, пап.

– Подумай, огурчик. Тик-так. Тик-так. Вот так все устроено. Таков наш удел, – прохрипел он, потом с трудом как-то запел, – злоебучий, сука, тримандаблядский удел человека…

Повисла пауза, но он же ее прервал:

– Ладно, мне надо валить. Но я буду в Майами через месяц, у нас начинается южный этап турне. Давай увидимся, съедим что-нибудь, я – бифштекс, ты – большую, красивую порцию твоей кроличьей еды. А пока я тебе пришлю информацию с того сайта про оплодотворение. Подумай.

– Господи… папа… ты же сам говоришь, что мой отец!

– Это родительский долг, солнышко, и ты это скоро поймешь, когда перестанешь сопротивляться. Ладно, надо идти, ангел мой. Целую!

– Целую, – отвечаю я, и в голове, мне кажется, звучит эхо. Линия отключилась. В полном неадеквате человек.

За сегодня я набрала не так много калорий, поэтому готовлю себе тофу с кускусом (примерно 450 ккал), потом делаю упражнение с гантелями. Поработав и нормально пропотев, я принимаю душ и усаживаюсь перед телевизором. Стараюсь не нервничать, жаль, сука, нет кабельных каналов, хотя бы

спортивных. Новостные каналы меня бесят, хотя ни про меня, ни про близнецов там ничего уже нет. Только про пропавшую девочку Карлу Риас. На фотографии она выглядит очень маленькой, хрупкой и кроткой. Надеюсь, с ней все в порядке. Столько уродов в мире развелось.

Еду в Северный Майами-Бич. Телеканал размещается в трехэтажном бетонном здании. Прохожу через автоматические двери и мгновенно покрываюсь испариной под струей холодного кондея: организм саморегулируется. Охранник провожает меня на стерильный ресепшен, чувствую себя неуютно. Валери уже ждет, на ее лбу тоже обнадеживающе поблескивают капельки пота. Мы берем по чашке черного кофе и обмениваемся любезностями. Вскоре появляется продюсерша – блондинка под сорок с неизменной ботоксно-андроидной полуулыбкой, тонко выщипанными бровями и пропуском, пришпиленным к светло-коричневой куртке, которая сочетается с брюками такого же цвета. У густо наштукатуренного лица, как спутники над пустынной планетой, болтаются серьги-кольца, на силиконовых буферах колышется колье. Она представляется: Валина Хинкл. Мы идем вслед за ней за ресепшн, и я замечаю, как она украдкой бросает испуганный взгляд на молодую администраторшу – свеженькое мясцо, которое скоро заменит ее в корпоративном сэндвиче. По дороге в переговорную мы слушаем всякие глупости, которые Валина несет не прерываясь.

Садимся и еще какое-то время говорим о погоде. Когда это уже становится невыносимо, Тельма наконец завершает свои великие дела и снисходит до нас. Я знаю из книжек Либа по тайм-менеджменту, что если кто-то опаздывает на встречу, значит он 1) некомпетентный мудак (62 %), 2) пытается занять сильную позицию (31 %) и крайне редко 3) тушит где-то пожар (7 %), и Тельма трогательно прикрылась как раз последним пунктом. Если верить визитке, она еще и бакалавр каких-то там наук.

После короткой светской беседы про накрывшую меня лавину журналистов, телевизионщиков и фотографов (отстали наконец, теперь уже точно) Валина оживляется, включает презентационное видео и начинает объяснять мне концепцию телепрограммы (а я, кстати, так и не открывала то приложение к письму). Они, кажется, уже передумали делать просто шоу про смену имиджа.

– Нам представляется, что ваша репутация и Майами как локейшен дают возможность действовать смелее, – с восторгом в голосе говорит Валина. – На данный момент рабочее название – «В форме или за бортом». Действие будет происходить на шикарном круизном лайнере, который плывет из Майами по

Карибскому морю в течение всего сериала. На корабле будет два спортзала, а сам он будет играть роль плавучей пыточной камеры. Заходя в порты на островах – Нассау, Кингстон, Порт-оф-Спейн и т. д., – мы будем избавляться от проигравших, и так до самого Майами. По сути, это «Потерявший больше всех», только на море, – объясняет Валина, – предпочтительно, с элементами из «Лодки любви». Каждый выпуск будет заканчиваться церемонией выбывания: участники должны будут пройти по доске со встроенными весами. Самый толстый из них будет сбрасываться в море – в специально огороженное место.

Я громко заржала – не удержалась. По застывшим лицам не могу понять, то ли это ботокс, то ли они действительно считают мой смех неуместным. Решаю зайти чуть дальше:

– Было бы круто запустить в огороженную зону акул, чтобы они поодкусывали неудачникам их толстые жопы.

Молчание: маски, кажется, застыли еще сильнее.

– Мы действительно хотели ввести элемент наказания, – кивает Валина, – и в течение всей программы у нас будет несколько страшных морских и пиратских тем.

Тельма подает голос:

– Больше всего нам нравится эпизод «Животный инстинкт».

Она скривила свои коллагеновые губы в сторону Валины, и та продолжила:

– Да, на этом этапе мы открываем несколько наших тайников, встроенных в стенку. Из них торчат полуголые задницы всех участников, предназначенных на вылет. Приглашенные эксперты должны угадать по размеру задницы ее владельца и вес, сброшенный каждым из участников за неделю.

– Типа канай отсюда! – торжественно объявляю я.

– Что, вам не нравится? – Валина резко крутит головой – то на Тельму, то на меня.

– Да нет, нравится! Офигенно! Обличать, показывать их страшные жопы – это как раз то, что нужно. – Я оглядываю стол и понижаю голос. – Надеюсь, вы понимаете, что насчет акул я пошутила, – говорю и жду, как они отреагируют.

– Конечно… – говорит Валери.

– Мы так и подумали, – соглашается Тельма.

– Но только потому, что было бы слишком жестоко кормить бедных рыбок телами, раскормленными нездоровой едой!

Они переглядываются, Валери улыбается, Тельма смеется, издавая какой-то низкий механический звук.

– И смех и грех! Люси, вы ужасны!

В оставшееся время мы смотрим видеозаписи предыдущего шоу на похожую тему, которое так и не пошло в эфир.

– Мы не смогли найти подходящего харизматичного фитнес-инструктора из местных на роль ведущего, – томно мурлычит Тельма. – Буквально тысячи худеющих прислали нам свои клипы, умоляли, хотели участвовать. Но только несколько человек реально демонстрировали стремление измениться.

Потом я рассказываю Валери, Тельме и Валине о клубах, в которых работаю, и упоминаю про владельца «Бодискалпта» Джона Паллоту. Джон купался в Делрей-Бич, и на него напала отравленная барракуда, которую до этого кто-то оглушил, и она затаилась на мелководье. В результате несчастный лишился части гениталий. Когда рыбину отцепили, врачи пытались спасти по максимуму, но член пришлось отрезать больше чем наполовину, и одно яйцо тоже было потеряно.

Все, конечно, помнят об этом случае, и он становится сигналом для нескольких сомнительных шуточек. Вообще рассказы о генитальных травмах у молодых мужчин в расцвете сил легко находят отклик у женщин среднего возраста на средних руководящих должностях – женщин, которые, упорно карабкаясь по корпоративной лестнице, недальновидно загоняют себя настолько, что

разбивают голову о пресловутый стеклянный потолок, вместо того чтобы пробивать его. Я смотрю на трех ботоксных ведьм, сидящих вокруг стола, и с унынием думаю, что, видимо, лет через десять сама буду такой. Это в лучшем случае. И чувствую себя предателем: мы с Джоном… мы пытались, но ничего не вышло. Теперь он уже три года судится с компанией, которая, как выяснилось, сбрасывала в море химикаты: их в больших количествах обнаружили в той рыбине. Компанию уже оштрафовали за незаконный сброс отходов, но теперь они отрицают, что химикаты могли отравить рыбу настолько, что она заплыла на мелководье и напала на человека.

– А эта барракуда нападала на кого-нибудь еще? – спрашивает Валина. – Кроме вашего друга?

– Вряд ли.

– Тогда это сложный случай. Судиться с ними в одиночку смысла нет. Вот если бы он нашел других пострадавших от ядовитой рыбины, то можно было бы подать коллективный иск.

– Именно такой ответ от юристов он, скорее всего, и получил, – говорю я.

Джон по понятным причинам с тех пор впал в депрессию и гораздо больше времени проводит в дешевых барах СоБи, чем в «Бодискалпте». И вот я рассказываю всю эту историю Валери, Тельме и Валине, как вдруг по их лицам замечаю, что они наверняка захотят включить все это в проект. И точно, Тельма говорит:

– Как вы думаете, Джон мог бы…

– Нет. Никогда, – обрываю я ее. – Он ненавидит СМИ. Он мог бы разрешить нам поснимать в клубе, но не более.

Клянусь, под моим взглядом ее ботоксное лицо поплыло.

– Конечно, Люси, – промурлыкала она, – вам виднее!

Несмотря на эту заминку, я выхожу со встречи в эйфории и по пути домой даже получаю удовольствие от езды, что вообще случается крайне редко из-за всех этих психов, которые обычно ездят по улицам Майами. Жуткое сочетание латиноамериканцев, белых стариков и юных бездельников, круглогодично стекающихся во Флориду бухать и ебаться, не способствует вежливому стилю вождения.

Я торможу у дома – фотографов так и не видать (это и хорошо, и тревожно) – и поднимаюсь в квартиру. Звонит Майлз, опять несет что-то про геройство, но примирительным тоном, и это после того, как последний раз мы орали друг на друга благим матом. Он пожарный, я его тренировала перед турниром по кикбоксингу против полиции. Он флиртовал как черт, но мне казалось, что я от него отделалась, а он опять меня нашел на hookup.com – это сайт знакомств тире секса, на который я когда-то была подписана. Был грешок. Майлз говорит, что до сих пор не ходит на работу из-за своей знаменитой больной спины. Когда мы познакомились, ничего этого не было, а теперь все хуже и хуже.

– У меня будет медкомиссия, потом встреча в отделе кадров и со страховщиками. Хочешь приехать вечерком? Или, может, я заехал бы?

– Я сегодня занята, – соврала я.

– Кем?

– Не твое дело.

– Какая-нибудь мрачная лесбуха, мм?

– «Не твое дело» значит «не твое дело». Не звони мне больше. Секс из жалости меня давно не интересует, – говорю я и отключаю телефон. В полном неадеквате мудак.

Я сегодня никуда не собиралась идти, но теперь точно пойду. Да и вообще – есть что отметить благодаря толстой телке Соренсон, которая везде сует свой айфон! Я иду в гардеробную, натягиваю короткую обтягивающую черную джинсовую юбку, нейлоновые чулки с поясом и подвязками с сиреневыми краями. Черный кружевной лифчик пушапит сиськи в лицо всему человечеству. Поверх надеваю серую шелковую блузку, через которую все видно. Весь

ансамбль завершает пара кожаных сапог до колен, с яростными серебристыми пряжками. Хотя нет, еще не все: без аксессуаров никак нельзя. Колье с серебряным сердечком повисает над декольте, чтобы все смотрели именно туда. Несколько шипованных браслетов усиливают впечатление легким намеком на садомазо. В последнюю минуту я передумываю и надеваю простые черные хлопковые трусы, которые легко оттянуть, чтобы засунуть член, вибратор, палец или язык. Чуть-чуть туши на ресницы, помада такого же сиреневого цвета, как подвязки, несколько стратегически важных прикосновений «Гивенши», «very irresistible»[14 - «Очень неотразимо» (англ.).], и я выхожу на улицу, направляясь в клуб на Вашингтон-авеню.

От угла Ленокс и 10-й совсем недалеко, приятно прогуляться по ночному городу, тепло, и ветра нет. Мне сигналят из двух разных машин придурки-латиносы, они лыбятся и орут что-то по-испански, пытаясь перекричать громкую музыку. Когда идешь на блядки, хуже этого ничего нет, хотя тут пройти-то всего шесть кварталов. Жаль, что нельзя просто телепортироваться в клуб. Интересно, сколько лет я еще смогу так выглядеть: слава ёбу, мы на Майами-Бич стареем медленнее, чем в других местах планеты, по крайней мере те из нас, кто не забывает про солнцезащитный крем и не работает на улице.

На жидкокристаллических часах за барной стойкой без двух минут двенадцать: я в клубе «Уран». В будни здесь обычно ебашит плохой коммерческий электродэнс, но у них, кажется, новый диджей, и меня приятно удивляет легкий булькающий латинский бит. В «Уране» тесновато: с одной стороны стойка, напротив нее – диджейский пульт, все вместе выглядит довольно дешево до тех пор, пока не осознаешь, что дальше там есть большой танцпол, который продолжается на разбитом забетонированном дворе. Клуб в плане напоминает вазу с узким горлышком, и многие говорят, что им надо бы перестроить все – развести бар и пульт по разные стороны танцпола, чтобы убрать потенциально опасное узкое место перед входом. Мой друг, шеф-повар Доминик всегда выкатывает глаза, когда я об этом говорю. «В этом же вся прелесть места, солнышко, когда ты продираешься по узкому проходу в некое подобие рая!»

В галдящей толчее, сквозь которую я протискиваюсь к бару, не видно, правда, ни Доминика, ни других знакомых лиц. На меня смотрят, разинув рабочие рты, две андроидные лесбиянки, но быстро отворачиваются, когда мы встречаемся взглядами. О-о, как это трогательно: одна телочка пытается быть бучихой, другая типа женственной, но обе выглядят совершенно неотличимо друг от друга. Кажется, они уже хотят съехаться и жить вместе, а сюда пришли, чтобы

хоть как-то изобразить флирт. Затем я прохожу мимо чернокожего с прекрасной фигурой. Он на расслабоне изрекает:

– Класс.

На ходу бросаю взгляд на себя в зеркальную колонну: да, я просто огонь.

У заднего бара выстроился контингент туристов. Большинство слишком пьяны и пузаты, чтобы справиться с местными красотками на танцполе, поэтому развлекаются, нажираясь в умат. Двое шатающихся мужиков с осоловевшими глазами – кажется, немцы – спрашивают, чем меня угостить. Я качаю головой и машу Грегори за стойкой: он выдает мне минералку с газом. Я вообще редко пью спиртное и не прикасаюсь к наркотикам.

Беру воду и проталкиваюсь дальше. Какая-то шлюха, тощая как палка, из серии «кофе и сигареты на завтрак», с огромными имплантатами, торчащими под майкой, практически в открытую предлагает мне себя, безнадежно улыбаясь. Я сразу расстраиваю ее планы. Да ты гонишь, пепельница! Но и этого ада мало: в паре с ней – еще одна, какой-то тотальный пиздец. У пиздеца испуганные, анорексичные глаза, но пока вполне мясистая жопа и крепкие бедра, которые отказываются скукоживаться под действием голодания.

Отвернувшись, я оказываюсь лицом к лицу с огромным квадратным бугаем, который сразу широко мне улыбается. Не хочется никого вести домой, так что, пока никто из нас не опомнился, мы проходим через задний танцпол, выходим во двор, пересекаем его и оказываемся в проулке за стеной внутреннего дво- рика. Воняет мусором, который выбрасывают здесь другие любовники, под ногами хрустят жестяные и пластиковые банки.

– Давай здесь, – говорю я.

Чувак хочет что-то ответить, но я затыкаю его поцелуем. Ничего не хочу от него слышать. Я завожу его в узкий проем между задней стеной клуба и большим деревом. Я знаю это место по опыту, оно идеально подходит для ебли. Через стену до нас доносится вибрация клуба, да так, что у меня аж в спине отдает. Плейбой прижимается своим жестким мясом к моему бедру и говорит что-то по-испански. Мне этого не надо, потому что между ног у меня уже и так Ниагарский водопад, я беру его за яйца и командую в ухо, по-блядски требовательно:

– Доставай свой окорок.

Он прислоняется спиной к дереву, и я с удовольствием замечаю огонек возбуждения (или даже страха) у него в глазах. Он расстегивает ширинку. Я обнимаю его как удав: руками за шею, ногами – за поясницу – и прижимаю к дереву. Он оттягивает мои трусы в сторону, и я принимаю в себя его твердый член. Найдя равновесие, он начинает с бешеной силой молотить меня так, что от каждого удара у меня практически перехватывает дыхание. Я скачу на нем, как взбесившаяся коза, работая тазом, чтобы взять в себя еще больше, и прижимаю его к дереву. Он, наоборот, вдавливает меня в стену, через которую в такт его движениям ебашит ритм четыре четверти.

– Хуярь, – требую я, – еще, жестче!

В глазах у него опять вспыхивает страдание, но он старается сильнее и теперь дубасит, как басовая партия за стеной. Иногда их нужно немножечко подбодрить. На меня обрушивается красный туман, и я выворачиваюсь наизнанку в экстазе посреди этого засранного проулка. Латинос изнурен, это видно по загробному взгляду и мелкому дыханию (не зря же кто-то из мужчин сказал, что оргазм – это маленькая смерть), но мне нужно в вышние сферы, поэтому будет работать, пока я не кончу. Они всегда могут дать больше, чем думают. Давай, выеби меня, ты, пизда с хуем, никаких передышек, ЕБИ, ЕБИ, РАБОТАЙ, А-А, ЕБИ, ЕБИ, А-А, А-А, А-А, А-А-А-А-А-А-А…

Он опадает и выскальзывает из меня, я спрыгиваю с него на нетвердые ноги. Он с каким-то отчаянием в голосе проквакал, что зовут его Энрике и что он хочет меня угостить. Но для меня-то он всего лишь спортивный снаряд, а сейчас у нас по плану отдых после тренировки. Я свою дозу получила, а его доза уже потекла, как вчерашние остатки кесадильи. Я улыбаюсь:

– Спасибо, дорогой, но мне надо идти. Может, в другой раз.

Мне доставляет удовольствие печальное смятение в его карих глазах. Смысла нет дальше зависать в этом заведении, если уже получила то, зачем пришла. Вернувшись домой, сажусь проверять почту.

Контакты 2

Кому: lucypattybrennan@hardass.com

От: julie@jillianmichaels.com

Тема: Я знаю, что это почти безнадежная попытка, но…

Здравствуйте, Люси!

От имени Джилиан Майклс хотела бы поблагодарить вас за письмо. К сожалению, ввиду большого объема получаемой нами корреспонденции Джилиан не может отвечать на все личные письма, и в частности на ваше.

Спасибо за проявленный интерес.

Всего наилучшего,

Джули Траскотт

Кому: lucypattybrennan@hardass.com

От: michelleparish@lifeparrishioners.com

Тема: Рада получить весточку!

Здравствуйте, Люси!

Рада получить от вас весточку!

Было очень приятно познакомиться с вами на презентации в Майами, очень жаль, что не успели толком пообщаться: такие турне часто превращаются в

подобие предвыборной гонки! Ваш героизм действительно воодушевил многих!

Я очень рада, что мои замечания по поводу книжек о диетах нашли у вас отклик. Хочу пояснить: я не разоблачала низкокалорийные и тем более низкоуглеводные диеты. Им тоже есть место в этом мире, но только в рамках цельной и сбалансированной программы. Скорее я совершенно нетерпима к продавцам всяческих «быстрых решений». И кстати, искренне советую вам усиленно продвигать среди своих клиентов Утренние страницы. Они действительно дают революционный эффект.

Спасибо за теплые слова. Я согласна: когда оказываешься в центре внимания СМИ, это ошеломляет, могу подтвердить по собственному опыту в программе «Сбрасываем вес!». Я считаю, что, когда имеешь дело с определенного рода людьми, карты нужно буквально прижимать к груди. Как правило, несложно понять, что у них на уме. Вы девушка не промах, и я уверена, что вы сможете их вычислить!

Еще раз поздравляю с успехом!

Всего наилучшего,

Мишель Пэриш

7

Злодейка

Практически все жители Майами-Бич откуда-то да понаехали. Местных в этом городе хуй да маленько. Парней легко распознать: они ходят с важным видом в бейсболках и футболках с названиями команд своих городов. Это вовсе не означает, что вы их увидите в ближайшее время в каком-нибудь Кливленде или Питсбурге. Девушки? Что сказать, я сама хороша и иногда ношу кепку «Бостон ред сокз». Так люди хотя бы знают, откуда ты. Ну а если увидите имбецила в бейсболке FUCKING YANKEES, он с таким же успехом может быть из Англии или из Франции или еще откуда-нибудь.

Лина Соренсон. 157 сантиметров, 92 кг. А должно быть 54. Это значит, что она носит на себе 36 килограмм лишнего жира. Жир на пузе, на жопе, на бедрах. И эта жуткая складка вокруг лица и подбородка. Ходит как будто с розовой шиной на шее.

Надо признаться, я удивлена, что она снова пришла. Ну что, сучка жирная, теперь начнется самый жир. Жалко, мы не в «Смешанных единоборствах Майами» у моего друга Эмилио. Я бы подошла к ней, как фельдфебель в гетто, и скомандовала: жрать меньше, перейти на здоровое питание и не сидеть на толстой жопе. Но я сомневаюсь, что она пошла бы к Эмилио: мексиканцы должны потеть у тебя в саду, а не рядом с тобой в спортзале. И несмотря на ее стайл, столь типичный для толстых нерях с низкой самооценкой, я подозреваю, что с благосостоянием там все в порядке. Но мы занимаемся в «Бодискалпте»; если я буду говорить, что думаю и клиент пожалуется, мой контракт разорвут, несмотря на хорошие отношения с Джоном. Поэтому – кривая улыбка и любезное «Ну что, надо немного поработать, чтобы снова привести вас в норму, миссис Соренсон», – и я делаю паузу, чтобы проверить, как она отреагирует на это «миссис», но она продолжает смотреть стеклянным взглядом. «Хотя, зайдя в эту дверь, вы уже сделали первый важный шаг».

Именно это жирная тварь и хочет услышать. Все они хотят верить, что теперь-то у них все получится. Буквально одной левой… Потому что боже упаси оторвать их от телевизора. Они могут сделать паузу только для набега на холодильник, чтобы втихаря напихать говна в жирный рот. Они не хотят вставать утром раньше десяти-одиннадцати. Для них любая диета и физическая нагрузка – покушение на основные права и свободы американца. Извини, Мишель Пэриш, моя маленькая красотка-визионерка, но еще один предлог для прокрастинации, чтобы сидеть на толстой жопе и писать твои идиотские Утренние страницы, им точно не нужен.

– Не миссис, а ми… Лина… просто Лина.

– Ага, – улыбаюсь я. Когда СТАНЕШЬ Линой, ТОГДА буду звать тебя Линой, сучка. – Ну что, тогда вставайте на беговую дорожку, мисс Соренсон… пардон, Лина. – Я улыбаюсь, она встает на дорожку, я включаю ее на 8 км/ч – нормальный, ровный ритм. – Ну как?

Тренажер быстро набирает заданное значение, Соренсон с трудом двигает ногами и потеет, как извращенец, притаившийся у школьного забора.

– Я… Мне…

– Слишком быстро! Да неужели?

На меня смотрит типичный такой толстый нытик, апологет себя любимого, размазня, вечно жалующаяся на судьбу.

– Очень… быстро.

Такие лица я ненавижу больше всего на свете. Жирная тупая махина без огонька в глазах, или испуганный ребенок, который хочет сладенького от мамочки, чтобы стало хорошо, или воинственная ебанатка, которая хочет покончить с собой и не понимает, зачем пришла. Не важно, какой типаж, просто очень хочется пиздить каждое бессмысленное чмо, которое одним своим видом оскорбляет весь род человеческий.

Соренсон вихляет своими мясистыми бедрами в обтягивающих штанах, лицо побагровело.

– Я люблю ставить перед своими клиентами цель, Лина. Более конкретную, чем просто сбросить вес. Полумарафон, десять тысяч, пять тысяч – разницы особой нет.

– Я… я не могу… Я не… могу-у-у… – Соренсон топочет тяжелыми ножищами по ускоряющейся резиновой дорожке.

– Не хочу слышать это слово, эти слова: «не могу», «не смогла», «не должна»! Вам нужно бороться. Шаг вперед из строя – и принять бой!

Соренсон съеживается от моих слов, но не останавливается. По охваченной ужасом мордашке видно, что путь к грации ей дастся нелегко, но она будет стараться. Так я жгу ее полных сорок пять минут, увеличивая скорость до трусцы, потом снижая до шага и снова повышая до трусцы. В итоге она пылает, как раскаленный уголь. Вспотевшая и выдохшаяся Соренсон слезает с тренажера и в кои-то веки обнаруживает себя неспособной даже открыть пухлый рот, чтобы только набрать воздуха в хилые легкие.

– Вы сегодня хорошо поработали.

Я жестом показываю, чтобы она шла за мной в офис, и она плетется следом, по-прежнему задыхаясь.

– Помните: физическая нагрузка – это только один компонент. Вот вам диета. – Я беру лист бумаги из стопки на моем столе и сую ей в раскрытую ладонь.

Соренсон смотрит на предписания, а я смотрю, как она мрачнеет.

Я беру с полки визитку:

– Позвоните мне, если очень захочется съесть какую-нибудь дрянь на выходных, а вам захочется, поверьте.

По лицу Соренсон видно, что ей уже хочется.

– Вы настоящий… профессионал, преданный своему делу, – задыхаясь, говорит она, и в глазах у нее вспыхивает страх.

– Я серьезно отношусь к проблеме вашего лишнего веса, так что и вы, Лина, должны отнестись серьезно. Это нелегко, особенно поначалу. Поэтому звоните, если почувствуете, что начинаете сходить с намеченного пути. Мы боремся с зависимостью от дурных пищевых привычек и с недостатком физической нагрузки, – объясняю я, вспоминая умные слова Мишель. – Мы смотрим на проблему шире. Вы свой вес набрали не за один день, и за один день вам от него не избавиться.

– Конечно… это понятно.

– Хорошо. Важно, что в этом мы согласны. А теперь расскажите о себе. Чем зарабатываете на жизнь?

– Я… – Соренсон колеблется, – как бы художник.

Как бы художник. В СоБи все вообще как бы модели, как бы фотографы или вот как бы художники. Официантка, видать. Или, может, просто паразитка,

развлекается тут за счет родителей.

– Круто… А откуда вы?

– Из Миннесоты. Городок Поттерс-Прери в округе Оттер.

О, ничего себе, серьезно?

– Ага… Там у вас, должно быть, красиво.

– Да, – отвечает Соренсон и начинает рассказывать про Поттерс-Прери, потом опять вспоминает наш инцидент на дамбе, который, кажется, впечатлил ее сильнее, чем меня. – Мне даже представить сложно, какой силой надо обладать, чтобы совершить такой поступок. Мне бы хоть частичку вашей силы и решительности.

– Да, но вы же не вампир, а я не банк крови, – огрызнулась я. Могу иногда выпалить что-нибудь обидное, поскольку мои клиенты, как и большинство толстых людей в принципе, обладают способностью пропускать неприятные высказывания мимо ушей. – Внутренняя сила и сосредоточенность есть у нас у всех. Моя задача заключается в том, чтобы помочь вам все это выявить в себе и развить, чтобы вы проявили боевой темперамент, который по каким-то причинам держите под спудом, – говорю я ей и смотрю на часы на стене. Вот ведь пиявка какая, а. Мне вдруг захотелось сбежать от нее подальше. – Ну ладно, мне нужно идти.

Соренсон переминается с ноги на ногу и, очевидно, хочет, чтобы я побыла с ней еще.

– Да, да… ладно. А вы, мм, не сказали, откуда сами.

Все тебе расскажи, жопа толстая.

– Вообще, из Бостона. Если позволите, мне надо идти, – говорю я ей, собирая свои манатки в сумку, – а вам сейчас лучше принять душ, а то простудитесь под кондеем. – Я иду к выходу, но перед дверью оборачиваюсь, чтобы напутствовать сникшую толстую тварь: – Помните, нельзя есть все подряд! – Для нее эти слова

как удар хлыста.

На улице дует приятный прохладный ветерок с океана, я быстрым шагом прохожу через Фламинго-парк, чтобы поскорее отделаться в мыслях от моей прилипалы. Но тут вдруг в конце Ленокс замечаю, что у моего дома болтается какой-то грязный хмырь с фотоаппаратом на шее. Блядь, что ему здесь надо? Шоу давно кончилось! Всегда найдется какой-нибудь псих-одиночка; задумал что-то недоброе небось, гад…

Я замедляю шаг и тихонько подхожу к нему сзади. Хлопаю по плечу. Засаленный мудак оборачивается.

– Люси, – кричит он и хватается за камеру.

Я вырываю камеру у него из рук, ремень через голову соскальзывает, и я с силой швыряю ее об асфальт. От удара у камеры отлетает какая-то маленькая черная деталь.

– ПИДАРАС, БЛЯДЬ!

– Вот сука! – Он смотрит на меня в ужасе и бросается подбирать разбитый девайс. Пока он возится с ним на асфальте, как с ребенком, которого сбила машина, я забегаю в подъезд, он вдогонку кроет меня в три этажа.

Дома сразу иду в душ. Я трогала папарацци за плечо, хватала рукой фотоаппарат и теперь физически чувствую грязь от прокуренных, обдроченных рук, которыми он его держал. Я вытираюсь, и в этот момент звонит телефон.

– Люси, это Лина Соренсон.

Блядь, что, уже? Зря, конечно, я дала этой свиноматке свой номер.

– Да? – резко отвечаю я.

– Включите телевизор… Шестой канал.

Я подчиняюсь Принцессе Свинке из Поттерс-Прери (нет, серьезно, а кто еще может жить в городе с таким названием?) и врубаю телевизор. Тот долго думает и наконец включается. В спальне у меня есть переносной телик получше, но там экран намного меньше. Ведущая с лицом почти столь же неподвижным, как ее лакированные волосы и подплечники, рассказывает историю Шона Маккендлеса, стрелка-салаги, которого я обезвредила на дамбе. Вырисовывается картина, от которой кровь стынет в жилах. Зябкий воздух дует из вентиляции в потолке прямо мне на мокрую кожу. Оказывается, Маккендлес рос в приюте и в детстве его насиловали педофилы. А те двое, которых он хотел убить, – сексуальные маньяки, живут в бомжатнике под одним из мостов Татл-Козвей. Я замерзла, меня колотит, я кутаюсь в полотенце. Получается, я спасла этих уродов и сдала полиции бедного ребенка, который просто хотел отомстить за свою детскую честь, над которой когда-то надругались пастыри-извращенцы.

Дальше – больше. Щебетание Соренсон в трубке уходит куда-то на второй план, на экране появляются две говорящие головы, оба кандидаты в конгрессмены. Бен Торп и Джоэл Квист – архетипически худшие образцы демократа и республиканца. Торп – благонамеренный, но блеклый и претенциозный саквояжник[15 - «Саквояжниками» (carpetbaggers) называли выходцев из северных штатов, добившихся богатства и влияния на разгромленном американском Юге после Гражданской войны. В современном американском политическом языке термин используют для обозначения политиков, пытающихся построить карьеру в чужих для себя и разных штатах или округах, аналог русского термина «варяг».]-полудурок из Лиги плюща, Квист – профессиональный популист и бешеный фашист-ханжа, который вот-вот начнет всех бить Библией по голове. Сложно сказать, кого я ненавижу больше. Обсуждают контроль за оборотом оружия. Торп хвалит меня за храбрость, Квист, соглашаясь, говорит: «Однако я хотел бы спросить юную леди, если бы она знала то, что знает теперь, поступила бы она так же?»

– Господи, – говорю я вслух.

Что за бред… Я же не знала, что они педофилы… чувак стрелял по-настоящему!

– Интересная мысль, – жеманно ухмыляется ведущая мисс Ботокс. Она все время ошивается рядом с Квистом, наверно, он ее трахает.

– Как теперь к этому отнесется Люси Бреннан, так называемая героиня с Татл-Козвей?

К чему отнесется? Какая разница… бред…

Тут до меня доходит, что мягкий голос Лины Соренсон по-прежнему что-то бубнит в трубке, хотя я не разбираю, что именно. Я ужасно злая, что меня втянули во все это говнище. Я отвечаю автоматически «мм» и «да». Просто не могу с ней говорить, и все. Мне кажется, она мной манипулирует. Надо подумать, и я вешаю трубку. Смотрю другие программы, опять про этих сиамских близняшек, потом встаю, как следует вытираюсь, надеваю майку и шорты.

Через несколько минут срабатывает домофон, и я уже готова наорать на очередного мудака, пришедшего по мою душу; может, кстати, это тот фотограф-придурок, но это Соренсон! Из-за домофона голос ее какой-то металлический и скрипучий.

– Я сразу прыгнула в машину и примчалась к вам!

Не помню, чтобы я ее звала, но теперь придется впустить.

Открываю входную дверь и слышу, как она медленно поднимается по лестнице. Соренсон кажется даже ниже ростом, чем я запомнила. Она взбирается на площадку и подходит вразвалку ко мне. Я иду вглубь квартиры, оставляя дверь приоткрытой. Она стучит в дверь костяшками пальцев и входит, оглядывая мое маленькое жилище с некоторым пренебрежением. Потом говорит:

– Вас опять будут осаждать какое-то время. Поехали ко мне, перек?сите. Мне так неудобно, что я отдала им видео…

Она права: тот придурок, которому я разбила камеру, не отстал от обоза, а, наоборот, сука, пришел раньше всех. Надо валить отсюда, даже думать нечего, иначе пиздец. Я натягиваю какие-то кроссовки, мы спускаемся и выходим на улицу. Дальше я слышу только крики и бешеный треск затворов, как будто на нас напал рой вооруженных насекомых.

– ЛЮСИ! ЛЮСИ!

Они опять все здесь! И микроавтобус с телевидения тоже, хуй знает с какого канала! Соренсон натворила дел, а эти два мудака-политика все разожгли заново! Я хотела было зайти обратно в подъезд, но некоторые особо ушлые прошмыгнули за спину и загородили дверь.

– Подождите минуту, черт бы вас побрал…

Соренсон слабо протестует, как неуверенная училка, хотя понятно, что ситуация стрессовая; я замечаю, как тот гад, которому я разбила камеру, издалека стреляет очередью из запасного, видимо, фотоаппарата с зумом, как будто из калашникова. Хоть один ублюдок уже знает, что слишком близко подходить ко мне опасно.

– Не обращай внимания, Люси, – говорит Соренсон с выпученными от страха глазами, хватает меня за руку и протискивается к машине.

Все остальные не такие стеснительные: похожий на пидора холеный загорелый репортер сует мне микрофон в лицо и спрашивает, мол, теперь, после того как я узнала про историю Маккендлеса, Райана Бальбосы и Тимоти Винтера – двух педофилов, – поступила бы я так же?

Я знаю, что сейчас мне надо, не раскрывая рта, быстро пройти за испуганной Соренсон к машине. Но этот мудак-красавчик меня так взбесил, что я, не сдвинувшись с места, выпалила:

– Конечно. Независимо от обстоятельств, никто не имеет права стрелять по людям!

– Но вы же занимались единоборствами и дошли до больших высот, вели занятия по самообороне для женщин, – лепечет добросовестный пидорок. – Хотите ли вы этим сказать, что женщины имеют право на самооборону, а мужчины, ставшие жертвами сексуального насилия, как мистер Маккендлес, нет?

У меня звенит в ушах, будто оглушили. Ничего не могу сказать в ответ. Я слышу взволнованный голос Лины Соренсон где-то фоном и выгляжу, наверное, как кающаяся грешница с болью и сомнением на лице. И все это показывают по всем американским телевизорам сейчас.

Я чувствую, что Лина сжала мою руку еще сильнее и ведет к машине.

– Оставьте нас в покое, – говорит она мягко, но настойчиво.

Я забираюсь в тачку, но тот гад продолжает снимать, наставив на меня камеру через пассажирское окно; на толстых щеках ликование. Я отворачиваюсь:

– Суки!

Соренсон заводит мотор и трогается с места, рассеивая фотографов, которые, как голуби, отлетают чуть в сторону, но сразу неистово слетаются обратно на свой корм. Она сворачивает на Элтон, втапливает, и мы рвем на север.

– Все окей, Люси, – булькнула она, – не может эта история длиться бесконечно. – Ее тон становится жалостливым. – И зачем я отдала им это дурацкое видео!

На телефон приходит эсэмэска: Валери. Видела новости. Отлежись где-нибудь. Будет напряг. Аты-баты, шли солдаты, ясен хер!

Я чувствую, как у меня скрежещут зубы, мы пролетаем мимо зеленой руки Музея холокоста, я оборачиваюсь посмотреть, нет ли хвоста. Понять сложно: в обоих направлениях плотное движение. Чтобы взять себя в руки, я срываю гнев:

– Рискуешь своей шкурой, чтобы спасти какого-то мудака, и сама же в итоге виновата! Что это за ёбаная страна такая, а? Это что, Америка? Дожили, блядь. Цирк уродов какой-то, блядь!

Соренсон дает мне выплеснуть весь этот бред, осторожно трогая меня за плечо и придерживая другой рукой руль.

– Извини, – говорю я и чувствую, что отлегло. – Надо было пророраться.

– Конечно. Ты не волнуйся. Все это, конечно, непросто.

Мы едем к Лине Соренсон на 46-ю. Я пытаюсь дозвониться Валери, но попадаю на голосовую почту. Пишу ей эсэмэс.

Вы не ошиблись. Позвоните мне.

У Соренсон большой, отдельный, красивый дом в испанском колониальном стиле, с бассейном, который, правда, слишком мал для серьезного плавания, но и представить в нем круизный лайнер «Соренсон» сложновато. По дому змейкой уложена терракотовая плитка, все стены покрашены белой водоэмульсионкой, как в галерее. На этом фоне хорошо смотрятся многочисленные картины и пижонская, но функциональная мебель.

На стойке для CD большинство дисков норм, все портят два альбома Трейси Чепмен. Если в доме есть хоть один альбом Чепмен – тот, в котором песня «Fast Car», – жди беды. У Соренсон их два, этот и еще один, так что по-хорошему надо съебывать отсюда! Но поздно, конечно: я откидываюсь в кожаном кресле и как будто проваливаюсь в него, пытаясь осмотреться. Первая мысль: неудивительно, что Соренсон столько времени проводит в «Старбаксе». По дизайну одно и то же: что здесь, что там. Лучшее, что здесь есть, помимо офигенного 70-дюймового плоского телевизора, – это огромный каменный камин с двумя железными ведрами: в одном уголь, в другом дрова – и еще несколько каминных инструментов, в том числе топор, наверно, чтобы покрасоваться, как ты типа рубишь дровишки, хотя они уже давно нарублены. Любит, короче, выебнуться, сучка. Она готовит кофе (который я не пью) и говорит, что еще есть пристройка, где у нее типа мастерская. И хотя я выражаю практически восторженный интерес, показывать ее она не торопится.

Кухня у нее – суперсовременная машина самоуничтожения: шкафы и огромный понтовый холодильник забиты антиедой, как я ее называю, – печеньем, шоколадными батончиками, готовой заморозкой, мороженым, чипсами, а газировки разной здесь больше, чем вы видели за всю жизнь. Лина устраивает тут пир на весь мир из сахара, соли, жиров и углеводов, но никто, кроме нее, это не ест.

– Выпечка – моя единственная слабость, – говорит она, запихивая в рот пончик с клубникой (450 калорий враз).

Я отказываюсь составлять ей компанию, перемещаюсь в гостиную и включаю огромный телик. Сука, все кабельные каналы, известные науке, полный пакет Direct TV. Я переключаю новости и быстро натыкаюсь на сюжет про себя. Я выгляжу слабой и тупой, волосы стянуты назад так, что рожа перекошена. Появляется наглая, самодовольная морда Квиста, и у меня сердце уходит в

пятки.

– Кажется, юная леди проглотила язык, когда речь зашла о праве на самооборону. Думаю, теперь она поймет, что не так все просто, как кажется на первый взгляд, и что простые американцы, вероятно, все-таки имеют право искать средства защиты от тех, кто стал на сторону зла.

– Пидарас ты ёбаный! – плююсь я в морщинистое старое хайло на экране.

Соренсон поняла намек и выключила телевизор.

– Все пройдет, – говорит она голосом, который должен был бы успокоить, только наоборот, выводит из себя.

Я вскакиваю, испугав ее, и начинаю ходить туда-сюда, всматриваясь в картины, развешенные по стенам. Потом быстро возвращаюсь на кухню. Соренсон идет за мной и видит, как я беру пончик с кухонного стола.

– Хм-м-м-м-м… – Я внимательно его рассматриваю.

– Это мама делала, – объясняет Соренсон, – очень вкусный! В начале месяца она всегда присылает мне коробку таких пончиков. Я так и знала, что ты захочешь…

Я поворачиваюсь и выбрасываю пончик в мусор. Лицо Соренсон зарделось, будто я ее отхлестала по толстым щекам.

– Как же…

– Надо контролировать число потребляемых калорий. Без диеты никуда. В лучшем случае ты не сдвинешься с места, если будешь есть в таких же количествах так называемую еду, из-за которой все твои проблемы, – объясняю я, беру коробку и все вытряхиваю в мусорное ведро.

Соренсон вся съежилась и отпрянула, схватившись за кухонный стол, как будто сейчас упадет в обморок.

– Да! Инвентаризация жизни! – гавкаю я и заставляю потрясенную Соренсон трясущимися руками выбросить все дерьмо из шкафов! У нее горит лицо. – Это настоящее говно, и этим говном ты себя травишь! Ты читаешь этикетки на продуктах?

– Да… – говорит она, хныкая басом, и издает малодушный стон. – Конечно. Иногда. Чаще всего.

Я сурово смотрю на нее из-под высоко поднятых тонко выщипанных бровей. Она выглядит как жалкая дура.

– Но это же просто угощение. Угощения всем нужны иногда, – протестует она.

– Угощения? Угощения! Так, что тут у нас написано? – Я стучу пальцем по пачке миндального печенья и сую ей в нос.

– Двести двадцать калорий…

– Двести двадцать калорий в каждой штуке, блядь. А сколько штук в упаковке?

Она выдыхает так, будто я ударила ее под дых:

– Они же крохотные, эти печенюшки, в них же ничего нет…

– Сколько штук?

– Четыре…

– Сколько ты съедаешь из этой упаковки зараз?

Соренсон молчит, будто проглотила язык.

– Всю зараз, блядь, могу спорить. Это почти девятьсот калорий, блядь, Лина, – две трети от нормы, которую женщина твоей комплекции должна потреблять в сутки, блядь!

Она, естественно, продолжает скулить:

– Но… но… если есть только четверть нормы, то это значит ничего не есть!

– Вот именно! О чем это говорит?

– Я… я не знаю…

– О, вот этого не надо, – зло говорю я и смотрю на нее, по максимуму изображая беспощадность. Я этих недоуменных взглядов повидала достаточно. Качаю головой и повышаю тон, имитируя сарказм: – Так не может быть! Это несправедливо. – Я чувствую, как лицо у меня искажается в клоунской гримасе. – Этот вопрос свисает с нижней губы у всех тупердяек Америки: как это я стала такой жирной свиньей, просто сидя на диване и потребляя тонны говна? Как такое могло произойти?

Она пялится на меня, буквально кипит от ярости и наверняка думает: «Кто она такая? Я у себя дома! Я ей деньги плачу не для того, чтобы она меня здесь оскорбляла». Я уверена, что сейчас эта туша пошлет меня к черту, поэтому смягчаюсь:

– Это говорит о том, что вся эта так называемая еда – просто говно, блядь, а если начать перечислять ингредиенты, то это вообще пиздец: кукурузная патока, добавки, консерванты, эмульгаторы, сахар, соль. Поверь, Лина, это твой враг. – И я выбрасываю все в мусор, а Соренсон смотрит так, будто это ребенок, которого она только что родила, а я его вырвала у нее из рук. – Из-за этого говна ты ненавидишь зеркала, магазины одежды и весы. Этим говном ты гробишь свою жизнь и от него в итоге и сдохнешь!

Короче, словесно отхлестала толстую тварь по ее жировым складкам и явно задела за живое. Ее психические травмы закровоточили на моих глазах. Хуже того – она знает, что я на сто процентов права и что говорю все это для ее же блага.

– Я знаю, – начинает она слабым голосом. – Я знаю, ты все правильно говоришь…

Я поднимаю руку. Толстые должны обрести голос, но это не должен быть голос жертвы. Им нельзя давать слово, пока они не начнут говорить как взрослые.

– Не надо мне вот этих многозначительных «но», блядь. – Я презрительно качаю головой. – Я все время слышу эти многозначительные «но», из-за которых все как бы окей, все приемлемо. Послушай, сеструха: единственный веский аргумент в нашей ситуации – это твоя жопа.

– Не надо со мной так разговаривать…

– Надо, именно так я и буду с тобой разговаривать, – говорю я, уперев руки в боки и выдвинув вперед нижнюю челюсть. Потом понижаю голос. – Потому что я хочу тебе помочь. Я знаю, что ты не захочешь меня слушать, Лина, – и я прикладываю ладонь к уху, – потому что нежелание слушать – один из симптомов болезни. Ты почти физически ощущаешь, как твои уши закрываются, а в голове бубнит банальная мантра, которая забивает мои слова, пронзающие твою грудь как стрелы. Я права?

– Я… я…

– Так что, сеструха, добро пожаловать в реальный мир. Ты услышишь мои слова, и ты их усвоишь. Может, не сегодня и даже не завтра, но я пробью твою оборону, и ты будешь слушать, что я говорю. И я выдерну тебя из зоны комфорта, блядь!

Соренсон буквально вся дрожит и пятится от меня, едва глядя мне в глаза. Я кладу ей руку на плечо, и она вдруг поворачивает голову и пристально смотрит на меня, отбросив волосы от глаз. И тут я улыбаюсь ей широко и задушевно:

– А теперь покажи мне дом!

Мы выходим на задний двор. Я бы все-таки заглянула в мастерскую – она стоит напротив бассейна.

– Я там работаю, – объясняет она и добавляет: – В последнее время, правда, ничего особо не сделала.

– А можно туда заглянуть?

– Нет, там бардак, – говорит она. – Я не люблю показывать свою мастерскую.

– О-о-кей… – Я поднимаю руки, типа сдаюсь, – Но может, потом как-нибудь, когда будет удобно? – Я смотрю на мастерскую, затем опять на нее. – Потому что это важное место. Твое место как раз здесь, – говорю я ей, после чего показываю на кухню, – а не там.

Соренсон кивает.

Смеркается. Мечевидные листья большой пальмы бьются на ветру в окно, нарушая тишину. Признание для нее мучительно, но она знает, что каждое мое слово – чистая правда.

Она предлагает отвезти меня домой, но я настаиваю, что поеду на такси.

– Поймаю на Коллинз.

– Но мне реально не сложно.

– Нет, спасибо. Хватит с тебя на сегодня.

– Но это ничего мне не стоит, тогда на мосту… ты не знаешь, сколько ты уже мне дала.

– Милая, я еще даже не начинала. – Я забрасываю сумку на плечо и выхожу на ночную улицу.

Там я, конечно, сразу же сворачиваю обратно во двор Соренсон. Пригибаюсь на корточках под окном и смотрю на нее через жалюзи. Соренсон сидит за компом, разинув рот, разглядывает картинки, кажется, пушистых зверьков, и, похоже, плачет. Плачет, лузерша толстая. Ладно, пусть пробулькается, но, если достанет выброшенную жратву из мусора и начнет ее есть, богом клянусь, я вышибу дверь, засуну ей руку в горло и вытащу отраву…

Блядь… Мягко заурчал мобильник. Я нажимаю на бесшумный режим. Соренсон не услышала. Пришло несколько писем, одно от Соренсон! Я осторожно выбираюсь из двора и смотрю на экран.

8

Контакты 3

Кому: kimsangyung@gmail.com; lucypattybrennan@hardass.com

От: lenadiannesorenson@thebluegallery.com

Тема: Ну не прелесть?

Ким, Люси,

вот вам, чтобы немного развеяться!

Вы когда-нибудь видели что-нибудь более умильное?

Лина Х

Оголтелая дура жалостливая – прислала ссылку на сайт Cute Overload[16 - «Мимишные перегрузки» (англ.).], а там одни щенята, котята, медвежата, хомячки да зайки. Судя по постам, на сайте сидят умственно отсталые курицы-несушки или, как вариант, умственно отсталые, но еще на сносях.

9

Cute overload.com

Я просыпаюсь и жмурюсь от яркого света, заливающего комнату. Цифровой дисплей на часах – 9:12 – приводит меня в чувство. Блядь, почему я никогда…

У меня же клиент в 10.30!

…не закрываю дверь…

Рядом со мной лежит что-то теплое и массивное, и в груди вдруг яростно заколотилось сердце от осознания: на кровати есть кто-то еще. Первая адская мысль: Соренсон! Нет, точно не она. Я медленно поворачиваюсь и смотрю на спящую телку рядом с собой; да, это та самая лесба, которой очень понравился вкус пиздятины и качественная ебля. Вечером вчера решила подснять бабу; терпеть не могу ситуации, когда нарушаю свои же правила и привожу кого-то домой. Она еще и ногу свою положила на меня. Я грубо выпутываюсь, она, щурясь, просыпается и смотрит на меня хмельным взглядом. Без макияжа выглядит очень молодо, как школьница или первокурсница.

Вообще любительницы экспериментов – не мой стиль, но, блин, кто я такая, чтобы распекать теперь телку, которая приняла в себя вчера мой яростный пластиковый хуй.

– Доброе утро, – зевает она, потягиваясь.

– Доброе. – Я принужденно улыбаюсь. Мне становится не по себе. Телячьи нежности – не моя тема.

Она встает с кровати, высокая, стройная, эффектная. Кайфовые русые волосы коротко острижены, но бутчем ей не быть или быть, но только если будет жрать по сто тысяч калорий в течение лет как минимум пяти. Она одевается.

– Надо валить на занятия. – Она улыбается. – Не могу поверить, что провела ночь с нашей знаменитой героиней!

– Ага, – говорю. А как еще ответить на этот бред?

– Пока.

Она вышла. Я жду, пока она не закроет за собой входную дверь, и вскакиваю с кровати. На кухне стоит бутылка апельсинового сока, которую она доставала, выпила из горла, а обратно не убрала. Пизда неумытая: никакого воспитания у этих юных шлюх.

Я злюсь на себя, что заспалась, нет, правда, стремно так долго спать. Принимаю душ и быстро одеваюсь. Еще есть время проверить почту. Бу-э… Меня передергивает от вчерашнего письма Соренсон. Ну, хоть подруга у нее есть, хотя кто ее там знает, что за Ким такая.

Ладно, хуй с ней. Надо заняться письмами поважнее.

Кому: michelleparish@lifeparishioners.com

От: lucypattybrennan@hardass.com

Тема: Ау!

Мишель,

у меня нет слов, чтобы выразить, насколько я польщена вашим ответом. После того случая моя жизнь сильно и очень странным образом изменилась. У меня теперь есть менеджер! И еще есть женщина с канала Ви-Эйч-1, которая пригласила меня делать шоу про смену имиджа для толстых обывателей. Более или менее то же самое, что я делаю сейчас, только на камеру и на круизном лайнере! Круто, да? Еще они хотят дать мне в партнеры какого-то самодовольного гея, якобы специалиста по стайлингу, косметике и одежде, а у меня сразу сработал аварийный звоночек. Не хочется, чтобы за счет моего героизма они делали карьеру сынку высокопоставленного начальника с телеканала, потому что этого сынка больше никто никуда не берет, правильно же? ЛОЛ!

Но не все так прекрасно. Я попала на прицел к одному фашиствующему мудаку по фамилии Квист, который собирается избираться в конгресс. Моего стрелка, как оказалось, в детстве насиловали педофилы, и в тот день он пошел под мост, там бомжатник и живут всякие извращенцы, и он начал по ним стрелять. Удачи

ему, конечно, но, слушайте, я что, должна была об этом заранее знать? Вся история приобретает какой-то нездоровый оттенок, как-то все неправильно.

Как быть?

Да, и насчет агента: вы слышали что-нибудь про Валери Меркандо? Что она за человек?

И кстати, вы не поверите, но одна из моих клиенток теперь – та самая якобы художница, свидетель инцидента на дамбе. Нашла меня. Офигеть, да?

Всех благ,

Люси X

Жму «Отправить» и вдруг понимаю, как сильно отросли ногти – громко стучат по клавишам. Я пролистываю входящие, снова натыкаюсь на дебильный сайт со зверьками, который прислала Соренсон, и думаю, что надо уже валить, но тут, о чудо, сразу приходит ответ!

Кому: lucypattybrennan@hardass.com

От: michelleparish@lifeparishioners.com

Тема: Ау!

Люси,

рада снова получить от вас весточку и что у вас все так хорошо складывается. Ви-Эйч-1 – прекрасный канал, они сделают вам хорошую рекламу. Разумеется, важно работать с правильными людьми, но это возможность, которую никак нельзя упускать! Держитесь за них! НО пусть переговоры за вас ведет агент.

Теперь насчет агента. Да, Валери Меркандо очень хорошая. Она сможет вести все переговоры с Ви-Эйч-1.

Клиенты есть клиенты, по-моему, совершенно не важно, откуда они, пока есть взаимное уважение и какие-то рамки. Да, я слышала, что политики уже пытаются использовать ваш кейс, чтобы заработать себе политический капитал. Не волнуйтесь, эта волна скоро схлынет, и я уверена, что то же самое скажет вам ваш PR-агент.

Молодец! Я очень рада за вас!

Всех благ,

Мишель

PS Пробовали писать Утренние страницы?

Я так взбудоражена, что сразу начинаю писать Валери.

Кому: valeriemercando@alerimercandoprinc.com

Копия: themlajtempleton@vh1.com

От: lucypattybrennan@hardass.com

Тема: Я готова!

Здравствуйте, Валери,

посоветовавшись с моей близкой подругой Мишель Пэриш, которой я очень доверяю, пишу вам, чтобы официально подтвердить: я хотела бы, чтобы именно вы представляли меня как агент. В копию ставлю Тельму Темплтон с канала Ви-Эйч-1.

Давайте начинать проект и дадим всем дрозда!

Всех благ,

Люси Х

На своей микроскопической кухне я делаю протеиновый коктейль и выпиваю его. Выхожу на солнцепек: я готова порвать пасть любому, кто полезет ко мне, но папарацци опять что-то не видать. Иду широким шагом через Фламинго-парк в спортзал. Передо мной бегут двое парней лет двадцати, один останавливается и повисает на турнике рядом с баскетбольной площадкой. Он подтягивается семь раз, на восьмом ему уже тяжко, девятый не осилил. Я с ходу запрыгиваю на перекладину.

– Вот как надо, – говорю я и быстро делаю двенадцать подтягиваний, причем двенадцатое – с той же силой, что и первое, потом еще столько же обратным хватом, правда немного медленнее.

– Вау… – говорит чувак.

– Главное – правильно дышать, – говорю я. – Когда подтягиваешься, хват должен быть чуть шире плеч. При обратном хвате руки должны быть примерно на ширине плеч.

Стиль Т2! Сара Коннор, нахуй! Джоан Джетт, блядь!

Я захожу в зал, Мардж уже здесь, делает растяжку. Наш пидор-администратор Тоби смотрит на нее с презрением. Он называет себя диджеем, потому что, когда в заведении никого нет, ему дают ставить CD с придурковатой фоновой антинародной антимузыкой для придурков. Когда в зал приходят наши дорогие домохозяйки, ему приходится уступать место сборникам Coldplay и Maroon 5. От них тоже хочется вены вскрыть, но, по сравнению с тепленьким говнецом Тоби, пусть уж лучше они. У меня жопа сжимается от одного его вида: претенциозный, озлобленный гей. Если я вдруг слышу его речь, мне инстинктивно хочется начать карикатурно растягивать гласные, как в Южном Бостоне. Накачанный и стриженный в типичном для Саут-Бич полупидорском стиле, Тоби трескает стероиды и тягает семидесятикилограммовую штангу, пребывая в блаженном неведении, что от любого случайного схваченного удара его пидорский нос

треснет, как помидор, после чего придется годами ходить по психоаналитикам и лить ведра педерастических слез.

– Тебя опять в новостях показывали, – объявляет он и отворачивается к экрану на стене. – О, смотри, – указывает он на телик.

На экране Джоэл Квист. Все его предвыборные установки максимально завязаны на страх и ненависть, а любые возражения он просто забалтывает.

Терроризм: убивает невинных американцев.

Контроль за оборотом оружия: убивает невинных американцев, которые не могут себя защитить.

Повышение налогов для сверхбогатых вместо дотаций крупнейшим компаниям: убивает невинных американцев.

Если не убивать арабов, они будут убивать невинных американцев.

Аборты: убивают невинных американцев (еще до того, как они родились).

Однополые браки: развращают, а потом убивают невинных американцев.

Теперь я у него на прицеле, и это пиздец. Бля-а: показывают мой большой, овальный, широко разинутый прямо в камеру рот, как у Мардж, когда ей предстоит встать на беговую дорожку. Я подаю ей знак взять гири, а сама не могу оторвать взгляд от экрана.

Нужно было всего лишь сказать: «Конечно, мужчины-жертвы сексуального насилия имеют право на самооборону. Это уместно, когда на них нападают. На мистера Маккендлеса никто не напал, это он преследовал двух безоружных мужчин и стрелял в них. Если он стал когда-то жертвой преступления, для таких случаев у нас есть правоохранительные органы». Но корабль разума почему-то уплыл.

В кадре появляется Торп и говорит именно об этом, но в своей бессвязной, догматической, менторской, половинчатой манере. Сразу видно, что все его ненавидят. Скользкий декадент. Юрист гребаный, сука.

Будь мужиком, блядь!

– Так, Мардж, берите семикилограммовую гирю и сделайте мне четыре подхода махов с приседаниями, по двенадцать раз в каждом подходе!

Квист встревает, Торп протестует, ведущий от него отмахивается. Ведущий – на этот раз, кстати, мужик, но все равно выглядит так, будто хочет взять в свой тугой самодовольный рот подтекающий конец старого бугая Квиста.

– Я всеми руками за правовое государство, и все это хорошо знают по тому, как я голосовал по этим вопросам, особенно если сравнить с результатами голосования мистера Торпа, по которым видно, что он потакает криминальным элементам нашего общества…

Мардж делает упражнение.

– Поднимайте гирю выше, а зад держите ниже! Качать, присесть! И качать, и присесть!

Камера долго показывает Торпа, так что можно разглядеть его надутое лицо и расслышать приглушенный комментарий «не на камеру». Дальше в кадре снова ведущий, он отмахивается от Торпа тыльной стороной руки:

– Пожалуйста, дайте мистеру Квисту закончить.

– Но иногда наши политики и вашингтонские бюрократы бросают людей на произвол судьбы. – Квист подзадоривает сам себя. – Позвольте задать вопрос: как долго юный Шон Маккендлес был брошен на произвол судьбы? Люси Бреннан, сама того не желая, пришла на помощь этим извращенцам и, получается, поступила так же, как и все. Но кто придет на помощь бедному мальчику Шону Маккендлесу? Кто пришел ему на помощь?

Я машинально перевожу взгляд на Мардж: она, пыхтя, тягает гирю.

– Хорош-шо…

И снова на экран: Торп гневно и неуверенно заламывает руки и плаксиво взывает к ведущему, жалуется, что его не дослушали. Ведущий с суровой рожей отчитывает его, отчего тот выглядит еще большим идиотом. Затем они, слава богу, переходят на сиамских близнецов.

– Могло быть хуже, – кивает на экран Тоби, источая злорадство.

Лицо Аннабель крупным планом, какой-то претенциозный мышиный писк про любовь к Стивену, потом крупный план переплетенных пальцев – это она держит его за руку. Камера долго отъезжает, и становится видно, что Эми смотрит в противоположную от Стивена и сестры сторону. Вместо того чтобы наехать камерой поближе на влюбленных голубков, операторы показывают только ее: шоу уродов. Из-под длинных волос торчит крючковатый нос: Эми выглядит как птица-падальщик на плече Аннабель. Я чувствую вдруг вибрацию от телефона: Валери.

– Приве-ет, – кричу я радостно, чтобы чмошник Тоби услышал, что мне похер.

Поворачиваюсь к Мардж:

– Беговая дорожка, двадцать минут, для начала в разминочном темпе, шесть километров в час, – и отхожу к входной двери подальше, чтоб никто не подслушивал.

– Привет, Люси. Только что смотрела новости…

– Да, но это все скоро затихнет… – говорю я, жестами показывая Мардж, чтобы она, сука, залезала уже на дорожку и начинала. Она пыхтит и мается. Я выхожу на солнечную улицу и смотрю на голубое небо.

– На «Ви-Эйч-один» занервничали. Не надо общаться ни с прессой, ни с телевидением.

– Хорошо…

– Извини, что таким тоном, мы тут на взводе слегка. Одну нашу клиентку – певицу – поймали с коксом в каком-то заведении на Оушен-драйв. Промоутер, который организует ей выступления в зале Глисон, – бывший нарк, после своего перерождения во всех контрактах прописывает какую-то антинаркотическую дурь и теперь грозится отменить завтрашний концерт. Надо идти… да, и еще: из «Тотал-джим» тебе прислали бесплатный домашний тренажер и приложили записку из серии «никаких обязательств, но если вам действительно понравится наш товар и вы сочтете уместным его поддержать, будем признательны», так что решай. Я его тебе перешлю.

– Вау! Класс!

– Да, все в строку. Только не общайся с прессой, они же за счет этого живут, пусть перегорят.

– Круто, – говорю я со скрытым торжеством и думаю, что ровно этого мне не хватало: фитнес-говнотренажер, который рекламирует Чак Норрис и который развалится, как только я потрачу полжизни, чтобы его собрать, да еще займет всю квартиру, где и так места нет.

Связь отключается, и я захожу обратно в зал. Переключаю скорость дорожки на 8 км/ч с постепенным увеличением. Мардж тяжело переставляет ноги и уже практически выдохлась.

– Финиш близок! Вот так, хорошо! Боец Мардж! И пять… и четыре… и три… и два… и раз… – И машина переходит в режим охлаждения. – Молодец, – хвалю я, а тетка смотрит на меня как ребенок, который упал на жопу и не знает, плакать ему или смеяться. Жарь, жарь целлюлит и жир. – Дышите, Мардж: вдох через нос, выдох через рот.

Пиздец, до сих пор приходится повторять! Да что ж это за хуйня, а? Мардж заканчивает занятие и с выражением облегчения на лице тащится в раздевалку и в душ. На телеэкранах Торпа и Квиста уже нет, вместо них – мать сиамских близнецов говорит о своих девочках, а вслед за ней – тошнотворный, напряженный закадровый голос: «Как и любая мать, Джойс боится за будущее своих девочек. Но в случае с Эми и Аннабель их будущее, а также прошлое и настоящее связаны неразрывно».

На фоне всего этого гротеска возникает Соренсон, в новом жутком тренировочном костюме розового цвета. В таком прикиде ходят только дебилы или десятилетние дети.

– Так-такушки! – загудела она. – Я вся горю и жду свершений!

– Хорошо. – Я улыбаюсь, сжав зубы, и иду к тренажерам, она за мной.

Ну что, начнем срезать с тебя жирок, толстуха? Я ставлю ее на тренажер, постепенно увеличивая скорость, потом заряжаю 8 км/ч: Соренсон горохочет своими ножищами по резиновой дорожке. Танцуй, хомячиха, танцуй!

– Давай, Лина Соренсон, давай! – кричу я, и в этот момент все в зале оборачиваются: своим криком я заглушила бестолковый Тобин эмбиент. Я довожу скорость до 12 км/ч: лицо Соренсон заливается красным. – Мы все горим и ждем свершений!

Каждый раз, когда толстуха переводит дыхание, чтобы сказать что-нибудь, а это она любит даже больше, чем жрать, я увеличиваю нагрузку или перевожу ее на другое упражнение. До нее должно дойти: здесь ей не клуб по интересам.

Но Соренсон поражает своей дерзостью. Она выдерживает все нагрузки и даже вот осталась после занятия: задыхаясь, пытается заговорить со мной, хотя видно, что все мои мысли где-то очень далеко.

– Это… так… кру-у-у-у-у-у-то… Давно не чувствовала себя так круто…

Мне в итоге это настолько надоедает, что я уже рада даже с мамой повидаться и пообедать, – все, что угодно, лишь бы отвязаться от этого персонального сиамского близнеца. Аннабель, как я тебя понимаю! Соренсон уже почти села мне на хвост и даже имела наглость посмотреть на меня, как обиженная падчерица, когда я сказала, что у меня с матерью серьезный разговор. Господи, эта прилипала того и гляди сейчас потащится за мной на Оушен-драйв, где мы договорились встретиться с мамой! Я выхожу из зала и иду в сторону Атлантики.

Если в моей работе цифры имеют значение, то для моей матери Джеки Прайд (58 лет, рост 172 с половиной, вес 59) капризы цифр еще важнее: она

занимается недвижимостью. Рынок в обвале. Она распродала двенадцать многоквартирников в Майами два года назад, в прошлом году три, в этом – пока ни одного. Два года назад она разъезжала на большом «линкольне»; до «линкольна» у нее была еще одна тачка, купленная на замену «кадиллаку», который достался мне. В то время риелторы были почти как юристы и никто над ними не ржал. Теперь, когда она ездит на «тойоте» и с ужасом наблюдает, как разваливается очередной ее долгий роман, нулевой результат для нее – хороший повод задуматься.

Она уже на месте, сидит за ноутбуком, «вся горит», прям как Соренсон (ха!), тараторит в свой мобильник. Я подхожу, она поднимает взгляд:

– Привет, огурчик мой, – и кивает мне с оправдывающимся видом, ее выбритые и подрисованные брови изгибаются дугой, она захлопывает свой эппл-мак.

На ней белый топ, клетчатая юбка и черно-белые туфли. На большом саксонском носу (не то что мой маленький ирландский носик, доставшийся от отца) – обычные очки, на голове еще одна пара очков – солнцезащитных – придерживает пока еще каштановые волосы до плеч. Мать заканчивает разговор по телефону и ерзает на пластмассовом стуле, который немного отъезжает в сторону.

– Эх-эх-эх… – вздыхает она.

Выглядит она хорошо. Единственный признак разрушительного воздействия времени заметен у нее вокруг подбородка и шеи, где кожа собралась в морщинистые мешочки. Мама говорит только про работу, которую «надо делать», и про то, что «времени не хватает даже на то, чтобы сделать себе ласик».

Мимо с важным видом проходит юная блондинка, я ее узнаю (кажется, одна из клиенток Моны в «Бодискалпте»), на ней желтые стринги и желтая же майка с надписью «МИСС ВЫСОКОМЕРИЕ» большими синими буквами. Все-таки любят наш солнечный СоБи напыщенные фрики и отчаявшиеся нарциссы. Опять звонит мамин телефон.

– Это Либ, – извиняющимся голосом говорит она. – Я сейчас отвечу и выключу телефон, обещаю.

– Хорошо, – говорю я и беру в руки меню.

– Либ, котенька… Да. Поняла… Поняла. Поразвлекай их пока. Гольфстрим-парк и так далее, ты знаешь что и как… Ладно. Пусть, главное, верят, что это железобетонное вложение, что чистая правда и есть… Да, люблю тебя… – Она поднимает брови еще выше. – Мне надо идти, котя, Люси пришла. Чао. – Она щелчком отключает свой блэкберри. – Эх, мужчины. Кажется, именно самых суровых и нужно больше всех держать за ручку. Это так странно. В смысле, он же может сводить этих визгливых идиотов в бар или на стриптиз, мне все равно. – Она качает головой. – Господи, людям просто не хватает духу! А ведь это самое надежное вложение!

– Не поспоришь.

– Послушай-ка… давай закажем что-нибудь, – говорит она, затем смотрит мне прямо в глаза и следит за моим взглядом. – На мои обвислые щеки смотрела! Жестокое дитя!

– Нет, – соврала я, – просто думала, как хорошо ты выглядишь!

Мать опустошенно вздыхает. Пока она говорит, ее глаза, то скучные, то напряженные, смотрят, кажется, куда-то мимо меня и видят там разочарования, которые еще ждут ее впереди.

– Я думаю о работе. Весь вопрос – время. Время и деньги. – Она резко качает головой, помощник официанта наливает нам в стаканы воду со льдом.

– Как бизнес, по-прежнему плохо?

– Давай даже не будем начинать, – говорит она, в этот момент к нам подходит неудавшаяся ботоксная модель и на автомате раздает сегодняшние специальные предложения.

О нет – мать делает позитивное лицо, мы заказываем, и она начинает пересказывать мне какую-то книжку из серии «помоги себе сам», которую только что прочла (если Соренсон жрет пончики, то мать потребляет как раз такие книжки).

– Недвижимость в Южной Флориде – это сучий бизнес. Мне нужен, как говорит Дебра Уилсон… ты читала ее?

– Нет. А ты слышала про Утренние страницы? Говорят, помогает.

– Марианна Робсон из «Колдуэлл-Банкер»[17 - Coldwell Banker Real Estate – американская франшиза для агентств недвижимости.] говорит, что это очень важно делать. Надо будет попробовать, как только появится время на себя.

– Так что там Дебра Уилсон?

– Мне нужен, как она говорит, «убедительный личный проект». – Мать ласково улыбается, обнаруживая морщины. – Конечно, мой самый чудесный проект – это мои прекрасные доченьки, – говорит она, а я думаю: «Ой нет, не надо опять этой хуйни», – но они уже выросли. – Она печально хмурит брови. – Ты ничего не слышала в последнее время от Джоселин?

– Слышала, что она по-прежнему в Дарфуре, все в той же НКО, – отвечаю я, пытаясь, возможно немного нарочито, заценить мускулистого серфера, который неторопливо проходит мимо нас.

– Все творит добрые дела, – нараспев говорит мать с тоской в голосе. – Вот она где – совесть нации.

Очень хочется сказать, что если б ты не лезла к ней, когда Джоселин страдала херней в подростковом возрасте, то теперь она не зависала бы на краю географии, изображая мать Терезу. Но матери, конечно, интереснее собственные страдания.

– Короче, я сказала Либу, что мне нужно в жизни что-то другое.

– Но у тебя же уже есть недвижимость, – не удержалась я.

Когда рынок недвижимости был на подъеме, мать говорила только о ней. Теперь недвижимость наебнулась, а мне с ней и говорить-то больше особо не о чем. Если ты пришел в этот мир не для того, чтобы тихонько превратить жизнь своей матери в ад, зачем тогда вообще жить?

– Я имею в виду, помимо работы, – говорит она.

В этот момент официантка, похожая на героиню садомазохистских комиксов, приносит салаты с тофу. Тот еще адок: латук вялый, как хуй у Майлза, а копченое тофу пахнет, как потные носки в раздевалке. После первой ложки мать вся сжалась, потом посмотрела на меня пронизывающим взглядом:

– Как твой отец? Стыдно признаться, но я частенько его гуглю.

– Ну а что, твое любопытство вполне естественно. Но если ты его часто гуглишь, значит ты и знаешь больше меня.

– Да ладно! Ты всегда была его любимицей, спортсменка.

– Мама, его любимцем всегда был он сам.

– Ой, как это верно! До сих пор поверить не могу. – Она качает головой, залитые лаком волосы остаются абсолютно неподвижными. – Такое ощущение, что успех с книжками – это его последняя месть.

– Да ладно! Он всегда говорил, что хочет быть писателем!

– Все говорят, что хотят быть писателями, ангел мой. Если бы все романы, задуманные у барной стойки, были напечатаны, на планете не осталось бы ни одного живого дерева. Нет, как только он от меня ушел…

– Насколько я помню, от него ушла ты. К Либу.

Мать делает выдох, округляет глаза и объясняет каким-то вымученным тоном, как будто я до сих пор ребенок: физически я, да, но только потому, что у него смелости не хватило уйти первым. Но разрыв наш устроил он, босяк чертов. Потом уже, после того как я несколько лет тянула его на себе, он начал что-то там делать в БПД, потом встал наконец со своей толстой ирландской жопы и начал писать.

– Чтобы писать, на жопу наоборот садятся.

– Совершенно верно, именно поэтому для него это лучшее занятие, – говорит она, поджимает губу и заметно мрачнеет: становится понятно, о чем она думает. – У него там, наверно, телочка молоденькая уже завелась, какая-нибудь бессмысленная фифа…

– Могу спорить, что несколько, – говорю я, поднимая вилку с тофу ко рту и надеясь, что этот кусок будет вкуснее предыдущего. Увы, разочарование наступает мгновенно.

У мамы отпадает челюсть, она пялится на меня.

– Ну а что, такова наша доля. Как человек стареет? Он ведет себя сдержанно и с достоинством, и жизнь становится зубодробительно скучной. Если же пуститься во все тяжкие, то это выглядит печально и жалко. Что красное, что черное: никто не уйдет из нашего казино с полной стопкой фишек, увы.

– Господи, Люси, ты бы себя слышала! Ты говоришь как он, абсолютно.

– Ну, это цитата из Мэтта Флинна.

Мать мысленно прокручивает имена своих клиентов, по окончании этой операции выражение на ее лице становится бессмысленным.

– Это его персонаж, бостонский детектив, – говорю я.

Она недовольно цыкает и снова подносит ко рту вилку с мокрыми листьями шпината. Бедная мамочка, одни деньги на уме, и так прогадать с мужиком: тот, у кого, как ей казалось, никогда ничего не будет, возьми да и пойди в гору, как только она от него ушла. Это, должно быть, вдвойне обидно, когда все разваливается и с этой ебаной недвижимостью ей приходится перебиваться с хлеба на воду. Эта женщина сделает что угодно, в определенных рамках конечно, как она сама говорит (и я должна верить ей на слово), чтобы добиться сделки. Мать вскочит с постели посреди ночи и ради клиента помчится в магазин за продуктами. Она окажет ему любые услуги. А где прочерчена граница дозволенного, я лучше не буду и думать. Ее давний бойфренд Либ практически брошен ею на произвол судьбы, вернее, на произвол дешевых баров СоБи, примерно так же, как когда-то мой отец, который шлялся по кабакам Южного Бостона.

Мать заказала к тофу имбирный соус и теперь подцепила вилкой нелепую вязкую смесь, но, попробовав, скривила лицо и бросила вилку обратно на тарелку.

– Фу, соус имбирный, а на вкус как мука. Ад! Хочешь гарантированно невкусной еды – поезжай на Оушен-драйв!

В стоической тишине мы кое-как доедаем остатки салата. Я вхожу в Lifemap TM, чтобы попробовать подсчитать бесполезные калории в этом ядовитом соусе. Собираюсь что-то сказать, но мать машет рукой, показывает на телефон и поднимает его к уху:

– Прости, огурчик, мне надо ответить… Лонни! Да, у нас все в порядке! М-м-м-м-х-м-м-м… Да, некоторых действительно потрепало как следует, но нам очень, очень повезло. В самом верхнем сегменте по-прежнему, как бы сказать… короче, врать, как все риелторы, не буду – дела не блестяще, но держимся нормально, это точно. А объект, который вы выбрали, прекрасный… М-м-м-м-х-м-м-м… Я говорила, что среди соседей у вас может оказаться Дуэйн Уэйд?[18 - Dwyane Wade – игрок баскетбольного клуба Miami Heat.] Разведка донесла, что он недавно смотрел дом напротив, знаете, который в испанском колониальном стиле? Но по сравнению с вашим там и смотреть-то не на что, уверена, что вы со мной согласитесь…

Я наблюдаю, как она жестикулирует: все-таки она прирожденный продавец. Что я о ней знаю-то вообще? Развод родителей было так же сложно понять, как и их отношения. Я всегда считала, что первой изменила мать, потому что она любила пофлиртовать в компании мужчин. Когда она сбежала с Либом, я была подростком, и большим сюрпризом это для меня не стало. Либ тогда продавал Datafax TM. На одной из своих последних серьезных должностей он продал систему контроля времени для менеджеров высшего и среднего звена бостонской страховой компании, где мама тогда работала, а потом учил ею пользоваться.

Либ умел продавать. Он не только продал ей себя, но и в нагрузку соблазнил рынком недвижимости во Флориде.

– За недвижимостью ближайшее будущее. Доткомовский бум я прозевал, потому что сомневался, – провозглашал он. – Но теперь никаких сомнений. Я прыгаю в

последний вагон уходящего поезда.

И мать прыгнула вместе с ним.

Когда они сошлись, он признался, что Datafax TM – система крутая, но что на смену ей скоро придут электронные программы для PC и Mac. Очень скоро люди будут вести записи в компьютерах, ноутбуках и телефонах. Психологическая связь с бумажной системой практически сойдет на нет, и Datafax станет нишевым продуктом, который будут покупать несколько стареющих, хотя и ценных клиентов. Бизнес-аксессуаром яппи, каким он был тогда, Datafax больше не будет. Так что недвижимость, мол, настоящее золотое дно и для него, и для мамы.

После того как родители разошлись, мы с Джоселин остались в Веймуте с отцом. В Майами мы с ней не поехали якобы потому, что она не хотела прерывать нашу учебу в школе. Хотя я не особо и училась; я хотела только тренироваться и бороться. Мне было пятнадцать, и я ненавидела весь мир. Предыдущим летом я поссорилась и с матерью, и с отцом, особенно с отцом, после одного судьбоносного случая в парке Эбби-Адамс – случая, который мое семейство неправильно интерпретировало и который сделал нас совершенно чужими. Я очень удивилась, когда отец поддержал мое решение уйти из легкой атлетики и заняться единоборствами. Мать была в ужасе:

– Но почему, огурчик мой?

Джоселин не сказала ничего (как обычно), только посмотрела со своим обычным высоколобым презрением.

– Хочу драться, – сказала я и увидела, как в отцовских глазах загорелась тихая гордость.

И я стала драться. Я записалась на тхэквондо в местный спортцентр, потом перешла на тайский бокс. Для меня это было освобождение, настоящее. Я смогла выпустить всю накопившуюся энергию и агрессию. С самого начала было очевидно, что связываться со мной захотят немногие. Я смотрела сопернице в глаза, и та сразу морально рассыпалась. Мне нравилось, что в этом спорте все разрешено, и ебашила локтями, коленями, ногами, кулаками, буквально разрывала противника на куски. Я была самородок нашей местной Ассоциации

тайского бокса, тренировалась как помешанная и дралась страшно.

Я хорошо выступала на соревнованиях для юниоров, сначала на чемпионате штата, потом на федеральном уровне. Добилась успеха в трех классических видах муай-тая в своей весовой категории. Мой лучший титул – самый первый, когда я победила действующую чемпионку, какую-то азиатскую сучку. Она вцеплялась в меня, как падре-извращенец, но справиться с моей скоростью и коленями, которыми я отбивалась от нее, не смогла. Как и у многих других моих соперниц, у нее текли слезы, но я всегда смотрела куда-то мимо них, старалась навестись на другую цель.

Я завоевывала пояс за поясом. Я училась разным видам борьбы, в основном карате и джиу-джитсу. Я пустила всю свою ярость на борьбу, Джоселин в это же время читала книжки. Когда об этом заходила речь, она говорила, что развод родителей «это пиздец», но как-то без эмоций. Она замкнулась в своем чтении и психологически ушла из семьи гораздо раньше остальных, если она вообще когда-нибудь была ее частью.

Отец тогда возил меня на машине на все мои соревнования, оплачивал отели, рано утром отвозил домой и безропотно ехал на работу (к тому моменту он опять работал физруком), я в это время отправлялась в школу или спать. Мы сблизились, хотя случай в парке, о котором мы никогда не говорили, всегда висел над нами. Я часто думаю, что он так плотно занялся моей карьерой, чтобы не разбираться в причинах развода. Несколько раз он говорил об уходе матери и выглядел при этом травмированным и растерянным, как маленький мальчик.

Я всегда думала, что отец только болтает, а делает мать. Два года спустя летом я поняла, что все наоборот. По настоянию отца меня слили в Майами на какие-то курсы, чтобы я потом могла поступить на бакалавра спортивных наук в университет. Джоселин отъехала к отцовской сестре тете Эмер в Нью-Йорк и там пошла на какие-то свои подкурсы, чтобы поступать в Принстон. Я переехала на юг к маме и Либу. Поначалу было тяжко. Я скучала по отцу. Я тогда еще училась водить и одновременно пыталась завязаться с каким-нибудь спортзалом и вообще с местной темой по единоборствам. Матери все это было до фонаря, и я поняла, насколько важна была для меня отцовская поддержка. Как-то во второй половине дня мы с мамой сидели во дворе дома в СоБи, где она тогда снимала жилье и откуда было видно залив Бискейн и собственно Майами. Мы не пили ничего крепче домашнего лимонада, но она вдруг навела на меня взгляд и сказала:

– Это же он захотел, чтобы ты сюда приехала, и ты знала об этом, так ведь? Ты знаешь, что он спит со шлюхами?

Я отвернулась и стала смотреть на залив. Солнечный свет отражался от гладкой иссиня-черной воды. Она, кажется, не втулила, что мне неприятно, и продолжала поливать его грязью. Я не слушала; не могла больше терпеть ее злость. Она не знала, насколько мне важно было видеть его в определенном ракурсе. Если бы этого не было, ничего бы не получилось. Потом она свернула разговор:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

У. Блейк. Иерусалим. Эманация гиганта Альбиона. Лист 10. Перев. Д. Смирнова-Садовского.

2

«Сама себя ненавижу за то, что люблю тебя» (англ.).

3

Julia Tuttle Causeway – 7-километровая дамба через залив Бискейн и проложенная по ней автострада с двумя мостами, соединяющая Майами-Бич и собственно Майами. Названа в честь основательницы Майами Джулии Татл (1849–1898). – Здесь и далее примеч. перев.

4

Hialeah – муниципалитет в составе Большого Майами, большинство населения – выходцы с Кубы.

5

South Pointe – парк на престижной южной оконечности Майами-Бич.

6

VH1 – американский кабельный телеканал.

7

Фитнес-тренер и телеведущая из Лос-Анджелеса.

8

Крупнейший бейсбольный стадион Бостона.

9

Американская комедийная актриса и режиссер, кандидат на пост президента США в 2012 г.

10

Американская актриса, известная по телесериалам и многочисленным пластическим операциям.

11

Американский песенный телеконкурс.

12

«Нью-Йорк янкиз» – бейсбольная команда, главный соперник «Бостон ред сокз».

13

Дэвид Дрю Пински («Доктор Дрю») – американский нарколог и медиаперсонаж.

14

«Очень неотразимо» (англ.).

15

«Саквояжниками» (carpetbaggers) называли выходцев из северных штатов, добившихся богатства и влияния на разгромленном американском Юге после Гражданской войны. В современном американском политическом языке термин используют для обозначения политиков, пытающихся построить карьеру в чужих для себя и разных штатах или округах, аналог русского термина «варяг».

16

«Мимишные перегрузки» (англ.).

17

Coldwell Banker Real Estate – американская франшиза для агентств недвижимости.

18

Dwyane Wade – игрок баскетбольного клуба Miami Heat.

Купить: https://tellnovel.com/ru/irvin-uelsh/seksualnaya-zhizn-siamskih-bliznecov-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить